Хищница

Автор:
Джеймс Кэрол

Хищница

Джеймс Кэрол

Джефферсон Уинтер #3Мастера саспенса

Шесть лет назад в штате Нью-Йорк прямо у себя дома была жестоко убита молодая семейная пара. Местная полиция арестовала подозреваемого, который вскоре покончил с собой. Но что, если полиция ошиблась?

Бывший агент ФБР Джефферсон Уинтер оказывается втянут в смертельную игру в кошки-мышки с загадочной незнакомкой, которая бросает ему вызов: Уинтеру предстоит выяснить, что же на самом деле произошло шесть лет назад.

Часы тикают, и Уинтер понимает, что все решится в финальной схватке…

Джеймс Кэрол

Хищница

«PREY» by James Carol

Печатается с разрешения литературных агентств Darley Anderson Literary, TV & Film Agency и The Van Lear Agency LLC.

© James Carol, 2015

© Хатуева С., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Найаму

Ты освещаешь каждый мой день.

Люблю тебя, малыш

1

Джефферсон Уинтер заметил блондинку, как только открыл дверь кафе. На столике перед ней стояла кофейная кружка, а сама она пряталась за газетой. Он приходил сюда третью ночь подряд, но посетителей видел впервые. Вдруг блондинка резко опустила газету и поймала его взгляд. В ее глазах он не смог прочитать ничего – ни любопытства, ни улыбки, ни призыва. Газета вернулась на место так же быстро, как и опустилась. Все заняло не больше секунды.

Оказавшись в желанном тепле, Уинтер закрыл за собой дверь и направился к стойке. В начале октября в Нью-Йорке дни еще достаточно теплые, но по ночам уже неприятно. Кафе было крошечное – всего на восемь столиков. Один человек и принимал заказы, и выполнял их. Помещение было вытянутое, узкое, столики стояли у одной стены, а барная стойка и гриль – у противоположной. Между ними был проход. Пахло здесь жареным – очень вредным, но очень вкусным. Запах был такой концентрации, что, казалось, обволакивал кожу. И чем ближе к стойке, тем сильнее пахло. Откуда-то сверху Элвис пел «Love me tender» – чуть громче, чем гудел старый обогреватель.

Уинтер стал рассматривать посетительницу через зеркало за барной стойкой. Лицо по-прежнему закрывала газета, поэтому оставалось довольствоваться черными кожаными перчатками и макушкой. Перчатки сидели на руке так плотно, что можно было оценить форму пальцев. Массивных колец на ней не было, обручального кольца, скорее всего, тоже. Из-за резкости освещения ее платиновый блонд выглядел чуть ли не белым.

Судя по всему, она была одна. Три стула за ее столом были задвинуты, на столе стояла одна чашка. Что же она тут делала? Вряд ли она кого-то ждала здесь в два часа ночи. Если бы она пришла выпить кофе в середине дня – другое дело. Что же у нее случилось? Уинтер выдвинул ряд предположений. Например, она провела ночь в клубе или у нее посменная работа. Или, как у него, у нее бывают приступы бессонницы.

– Вам как обычно?

Вопрос повара вывел Уинтера из задумчивости и заставил отвести взгляд от зеркала. Он стоял напротив и вытирал руки о грязный фартук. У него был такой сильный акцент, что с трудом можно было разобрать слова. Темные волосы и смуглая кожа выдавали в нем жителя южного побережья Средиземного моря. Ему было за пятьдесят, высокого роста и худощавого телосложения. При ходьбе он немного горбился, словно стесняясь своего высокого роста.

– Как обычно, – ответил Уинтер.

– Больше ничего?

– Ничего.

Он что-то утвердительно промычал, и разговор был окончен. Уинтер положил два куска сахара в налитый для него кофе и отправился на поиски места. Он решил было сесть за столик в глубине зала, где было теплее, но привычка взяла верх, и он пошел к окну. Он всегда старался сесть там, откуда можно наблюдать за окружающим миром, хотя смотреть в это время суток было не на что. Глубокой ночью даже Нью-Йорк сбавлял обороты.

Вытряхнув себя из замшевой куртки с теплой подкладкой из овчины, он повесил ее на спинку стула и устроился поудобнее. Куртка служила ему уже много лет и

была такая же уютная и удобная, как разношенные кроссовки. Уинтер нащупал в кармане свою «Zippo», щелкнул крышкой и несколько секунд смотрел на огонь. Все, что ему оставалось, – его погасить. Запрет на курение в помещениях очень действовал на нервы.

Повар готовил заказ на гриле и подпевал Элвису. В ноты он не попадал. Судя по тому, как он произносил слова песни, он запомнил их на слух, не понимая смысла. Уинтер отключился от повара и аккуратно разложил на салфетке столовые приборы. Когда с подготовкой к еде было покончено, он перевел взгляд на улицу, утопая в темноте и неоновых огнях.

Какое-то время он просто сидел и смотрел в одну точку. Последние восемь дней прошли в совместной с нью-йоркской полицией охоте на Райана Маккарти – серийного убийцу, который выбирал себе в жертвы молодых бизнесменов. Уинтер любил Нью-Йорк, но после ареста Маккарти повода оставаться здесь не было. Его ждал Париж и погоня за очередным маньяком. Такой ритм работы он держал с тех пор, как ушел из ФБР. За одним расследованием тут же начиналось другое. Нагрузка в ФБР была ничуть не меньше. Нехватки зла в мире еще долго не предвидится.

Медленно потягивая кофе, он прокручивал в голове детали парижского дела. У него уже были некоторые черновые гипотезы, но делиться ими он пока был не готов. Предоставленные полицией данные были, как обычно, недостаточно детальны и вызывали больше вопросов, чем ответов. И неудивительно – от письменных формальных отчетов трудно ожидать доскональности. Их обычно пишут перегруженные работой люди.

Звук отодвигаемого стула вернул его из Парижа назад в кафе. Он поднял взгляд от чашки и увидел в окне отражение блондинки. Она плавно и грациозно шла по узкому проходу между столами и барной стойкой.

Прежде всего он обратил внимание на ее худобу. Кожа на лице туго обтягивала кости, кожаная куртка была на пару размеров велика. Ее трудно было назвать симпатичной, но и некрасивой она не была. Она была четко посередине: немного косметики – и она бы заблистала. Ей было лет двадцать пять. Рост – где-то метр семьдесят пять, как и у него. Возможно, на пару сантиметров выше или ниже. Одета она была в несвежие «левайсы», мешковатую кожаную куртку, застегнутую до самого подбородка, и старые, потертые «конверсы».

Он снова задумался о том, что же ее сюда привело. Одежда ни о чем не говорила. В таком виде можно было пойти и на работу, и в бар. Если бы она мучилась бессонницей, то надела бы первое, что попалось под руку. По крайней мере, так сделал бы он. Вглядевшись в ее отражение в окне, он все же решил, что в баре она сегодня не была. Походка у нее была ровная и уверенная, и она полностью контролировала свои движения. Еды на столе перед ней не было. То есть она пришла сюда не для того, чтобы заправиться углеводами и разбавить алкоголь.

Хотя какая разница, почему она здесь? Ему утром в Париж, а она через несколько секунд исчезнет в ночи. Такова жизнь. Она вся – хитросплетение встреч, важных и не очень. На один миг траектория его орбиты соприкоснулась с ее. В мире с населением в семь миллиардов шансов на то, что это может случиться снова, не было никаких.

В трех шагах от двери она сменила направление и подошла к его столу.

– Можно? – кивнула она на пустующий стул. Уинтер не сразу понял, что вопрос был адресован ему.

– Пожалуйста.

Она улыбнулась и села. Улыбка была игривая и живая. С близкого расстояния ее глаза казались неестественно зелеными. Интересно. Одета она была небрежно, но при этом считала нужным скрывать цвет глаз за контактными линзами. Волосы точно были крашеные и не очень короткие. Стригла их она, судя по всему, самостоятельно кухонными ножницами. Сначала она внимательно рассмотрела его футболку с рок-звездой прошлых лет, поношенную толстовку с капюшоном и седые волосы, потом положила на стол сложенную газету и прижала ее рукой в перчатке. Уинтер посмотрел на газету и поймал ее взгляд.

– Приятно познакомиться, Джефферсон.

Такого поворота он ожидал меньше всего. Он начал всматриваться в нее повнимательнее. Раньше они точно не встречались, в этом он был уверен.

– Кто вы? Вернее, откуда вы знаете меня?

– Я бы не хотела говорить об этом.

– Хорошо, но раз вы знаете мое имя, будет честно, если вы назовете свое.

Женщина молчала и только изучающе и оценивающе смотрела на него через стол. Уинтер ждал, пока она заговорит.

– Знаешь, а я думала, ты выше ростом. Ну и как-то поэффектнее, что ли. Хотя так всегда бывает, да? Напридумываешь себе что-то о человеке, а потом, когда видишь его в реальности, приходится разочаровываться.

Уинтер молчал, и блондинка рассмеялась.

– Я тоже читала книжки по психологии, Джефферсон. Молчи – и собеседнику придется заполнять тишину. Ты ведь это пытаешься делать? Хочешь в игры со мной поиграть, значит. Думаешь, получится?

Уинтер улыбнулся:

– Ну а чего ты ожидала? Раз ты знаешь меня, должна знать, чем я зарабатываю на жизнь.

– И как успехи в просчете меня? Можешь не разыгрывать невинную овечку и делать вид, что ты не при делах. Я знаю, что ты начал меня вычислять, как только переступил порог.

– Я могу тебе тот же вопрос задать.

Она недовольно покачала головой.

– Я первая спросила. И мне нужна правда. Я уже большая девочка. Поверь, мне уже практически ничто не способно причинить боль.

Последнее утверждение было намеренно перегружено смыслами. Может, она и правда что-то пережила, а может, просто пытается казаться более интересной, чем есть на самом деле. Уинтер немного подождал, надеясь, что она скажет еще что-нибудь. Она, в свою очередь, ждала, пока заговорит он. Глаза у нее были

большие, и были видны границы цветных линз.

– Ты игрок, – сказал он. – Это очевидно даже из нашего разговора. Каждая твоя реплика – или удар, или контрудар. Самовлюбленная. Тебе кажется, что ты – центр Вселенной. И тебе хочется, чтобы я разглядел в тебе величайшую тайну современности, которую нужно разгадать.

– Ты в зеркало давно смотрел? Ты же о себе все это рассказываешь.

– Ты обо мне ничего не знаешь.

– А вот тут ты не прав. Я прекрасно тебя знаю. Знаю, что ты из себя представляешь.

– И что же?

– Ты – проект.

– Как это понимать? – засмеялся Уинтер.

Блондинка не ответила. Вместо этого она застучала по газете пальцами, а затем подняла голову и стала смотреть куда-то за его плечо. Взгляд был направлен на улицу, но на самом деле никого она там не видела. Уинтер ждал, пока она снова начнет говорить. Он одинаково комфортно ощущал себя и в тишине, и в компании психопатов. Сейчас он пытался разобраться, к какому типу психопатов ее отнести.

– Ты когда-нибудь думал о том, каково это – убить кого-то? – спросила она.

– Нет.

– Врешь. Ты же проникаешь в мозг серийных убийц. Ты не смог бы этого делать, не представив себе, что они чувствуют.

– Ну хорошо, с этим согласен, но ты же говоришь про реальное убийство. Моя работа к этому никакого отношения не имеет.

– Врешь.

– Твое право так думать.

Краем глаза Уинтер уловил движение у барной стойки. Он посмотрел в ту сторону и увидел, как повар выходит из-за створки и несет в руках тарелку. Блондинка тоже повернула голову и проследила за направлением его взгляда. Затем повернулась к Уинтеру и дождалась, пока он снова посмотрит на нее.

– Мы можем его убить, – прошептала она. – Будет весело, да ведь?

Уинтер молчал.

– Каждый человек способен на убийство, если его вынудят обстоятельства.

– Ошибаешься. Убийство – это вопрос выбора. Тебя никто не вынуждает нажать на курок, ты сама решаешь на него нажать.

– Тут наши мнения расходятся, Джефферсон, – пожала плечами она.

Повар подошел к столу и поставил тарелку. Уинтер рассеянно поблагодарил и повернулся к блондинке. Внезапно она вынула из кармана кухонный нож и встала. Глаза ее блестели от возбуждения. Схватив повара, она прижала его к себе и левой рукой взяла его за волосы. Закусив нижнюю губу и порывисто вдохнув, она вонзила нож ему в глаз по самую рукоятку. Во втором глазу отразилось удивление, а потом мышцы лица расслабились, и он упал на пол. Звук упавшего тела вывел Уинтера из оцепенения. Он хотел было встать, но блондинка предупреждающе подняла вверх руку.

– Что бы ты ни задумал – это не сработает. Я прямо сейчас могу убить тебя десятью разными способами.

Уинтер посмотрел на нее и весь напрягся. Элвис уже пел «Suspicious minds». Обогреватель громыхал в такт с его сердцем. Она приблизилась к Уинтеру, и он ощутил запах ее шампуня и мыла. Она была так близко, что он мог бы протянуть руку и схватить ее. Но что дальше? В Куантико его всегда клали на лопатки на занятиях по самообороне. Его коньком были интеллектуальные игры, но

физическая борьба – извечное слабое место. Она подвинулась еще немного, и ее губы прикоснулись к краю его уха.

– Пойдешь за мной – я тебя убью. Но ты не волнуйся, мы с тобой скоро увидимся.

Сделав шаг назад, она улыбнулась. Уинтер стоял неподвижно и изо всех сил старался сохранить на лице маску спокойствия и дышать как обычно. Ей нужна была его реакция, и сейчас было важно во что бы то ни стало не позволить ей получить желаемое. Рассмеявшись, она пошла к выходу. Через мгновение над дверью зазвенел колокольчик, и она выскользнула на улицу.

2

Посмотрев по сторонам, она перешла дорогу, скользнув между припаркованными по обеим сторонам улицы машинами. Передвигалась она быстро, почти бежала. Уинтер смотрел, как она идет по тротуару, и надеялся, что она обернется, чтобы он смог еще раз увидеть ее лицо. Но она шла не оборачиваясь. В два счета она оказалась на углу улицы. Уинтер не сводил с нее взгляд и считал ее шаги. В последний момент она быстро посмотрела через плечо и исчезла из виду.

Уинтер сел на свой стул и зажег сигарету. Глубоко затянувшись, он выдохнул длинный клуб дыма. В полуметре от него в неуклюжей позе лежал повар. Смысла проверять пульс не было. На пальце у него было обручальное кольцо, значит, он был женат. Возможно, были дети? Наверняка кто-нибудь будет скорбеть и скучать по нему. А стоило просто оказаться не в том месте не в то время.

Уинтер знал, что не виноват в смерти повара. Безусловно, нельзя нести ответственность за действия посторонних. Не он вонзил нож в повара. Это все сделала блондинка – она приняла решение и привела его в жизнь. Но знать – это одно, а верить в это – другое.

Он мог бы купиться на эти рационализации, но как быть с тем, что повара убили, чтобы привлечь его внимание? Другой причины для убийства не было. Это был

обыкновенный спектакль. Если бы не было аудитории, не было бы и спектакля. Но зачем это было нужно? И что еще она собирается предпринять, чтобы привлечь его внимание? Париж явно откладывался. Пока блондинка на свободе, Уинтер не видел никакой возможности смириться со случившимся.

Зазвучал «Heartbreak hotel», и снова пришлось вставать со стула. Элвис и так-то действовал ему на нервы, а в нынешних условиях был совершенно нестерпим. Уинтер встал, перешагнул через тело и пошел за барную стойку выключить CD-плеер. Там же он взял глубокую тарелку, чтобы сделать из нее пепельницу, и пошел к столу, за которым сидела блондинка.

Единственным следом ее присутствия в этом кафе была чашка кофе. Ее собственный аромат был настолько мимолетным, что вполне мог померещиться. Уинтер провел рукой по чашке. Она была холодная. Блондинка просидела здесь столько времени, что чашка успела остыть. К кофе она не притронулась. Плюс ко всему на ней были перчатки, значит про ДНК и отпечатки пальцев можно забыть.

Уинтер откинулся на спинку стула и попытался посмотреть на мир ее глазами. Место она выбрала идеально. Дверь слева почти наверняка вела на боковую аллею. Когда нужно быстро покинуть какое-то место, всегда лучше иметь несколько запасных вариантов. С этого стола прекрасно просматривались все остальные столики и входная дверь. Где бы он ни сел, она легко могла бы за ним наблюдать.

Что же делать дальше? Очевидно одно – одному ему не справиться. Ему нужен доступ к полицейским базам данных, нужна информация. И, скорее всего, машина.

С последним пунктом проблем ожидалось меньше всего. Нужно просто позвонить в «Avis» или «Hertz», оставить запрос на самую быструю машину из их парка, поехать и забрать ее. Первые два пункта более затруднительны, но не невозможны. Закрывая дело Маккарти, Карла Мендоза сказала Уинтеру, что за ней должок. Правда, прозвучали ее слова так, будто она просто хотела заполнить паузу в разговоре. С другой стороны, она все-таки следователь по тяжким преступлениям. Как только она услышит, что здесь произошло, неужели профессиональный долг не заставит ее включиться в расследование?

Уинтер затушил сигарету, достал телефон и набрал Мендозу. Вызов был перенаправлен на голосовую почту, что было вполне понятно. Охота за Райаном Маккарти заняла долгих восемь дней, и наверняка она хотела отоспаться.

Постукивая телефоном о подбородок, Уинтер раздумывал, что делать дальше. Если бы у него был ее домашний номер, он бы позвонил ей сейчас, но его она ему не дала. Он знал, что она живет где-то в Бруклине, но точного адреса не было. Иначе можно было бы просто сесть в такси и поехать к ней. Еще раз перебрав в голове все возможные варианты, он пришел к выводу, что в одиночку ему все же не справиться. Нужна была Мендоза – а точнее, ее ресурсы. Он попробовал еще раз позвонить ей на мобильный, но снова попал на голосовую почту. Не дослушав сообщения, он нажал отбой и набрал 911.

– 911, вам нужна помощь? – спросил мужской голос. Судя по акценту, оператор был откуда-то со Среднего Запада.

– Прошу вас передать сообщение сержанту Карле Мендоза. Она работает в Главном полицейском управлении. Скажите, чтобы она срочно позвонила Джефферсону Уинтеру. Передайте, что это очень срочно.

– Это 911. Мы не занимаемся передачей сообщений.

– При всем моем уважении это именно то, что вы делаете. Вы принимаете информацию от звонящего и передаете ее куда следует – в полицию, в «скорую» или пожарным. В данном случае я прошу вас передать ее в полицию.

– Я предупреждаю вас, что за ложные звонки в 911 предусмотрено уголовное наказание.

– Рад слышать. Когда дозвонитесь до Мендозы, она наверняка будет очень недовольна тем, что ее разбудили посреди ночи. Она может кричать и даже ругаться матом. Скажите, что совершено убийство, и на месте преступления кругом мои отпечатки. Кстати, я в кафе «О’Нилз» в Нижнем Ист-Сайде.

Уинтер положил трубку, засунул телефон в карман джинсов и взял за стойкой чистый нож. Осторожно переступив через тело, он сел за свой стол и принялся есть.

Блондинка оставила на столе газету, которая была у нее в руках. Она была аккуратно сложена. Уинтер раскрыл ее и развернул к себе. Под округлыми буквами названия «Хартвудская газета» был крупно напечатан заголовок: «Жестокое убийство семейной пары». Автором статьи являлся некто Грэнвилл Кларк. Присмотревшись, Уинтер обнаружил, что страницы газеты начали желтеть от старости. Она была датирована январем шестилетней давности.

Справа от статьи была фотография убитой пары. Они были молоды, счастливы, улыбались, в глазах светились мечты о блестящем будущем. Фотография была больше похожа на портрет, чем на снимок, но, даже несмотря на некоторую натянутость улыбок и постановочную позу, было очевидно, что они были счастливы вместе. Подпись гласила, что их звали Лестер и Мелани Рид.

Из статьи Уинтер выяснил, что на момент убийства Лестер и Мелани было немного за двадцать. Всю свою жизнь они прожили в Хартвуде. Также упоминалось шерифское управление округа Монро, значит, город Хартвуд – где-то на юге штата. Лестер работал в магазине, принадлежащем его семье, а Мелани была учителем в местной начальной школе. Поженились они за год до убийства. Их жизнь оборвалась, не успев начаться.

В статье было больше воды, чем фактов, и у Уинтера сложилось ощущение, что она писалась в спешке. Скорее всего, убийство совпало с днем сдачи газеты в печать. Если это и правда было так, значит, материал готовился в последний момент и времени на то, чтобы раскопать подробности, просто не было.

Газету она оставила на столе специально. Если бы это был последний выпуск «Нью-Йорк Таймс», то да, он мог бы поверить, что это просто забывчивость. Но газета была старая, такую не найдешь на любом столике в кафе. Блондинка явно сделала это намеренно. Кроме того, она постоянно стучала по ней пальцами, когда они разговаривали. Она хотела, чтобы он ее заметил.

Он быстро пробежался по остальным страницам. Кроме убийства в газете не было ничего интересного. Все сводилось к обычным публикациям местной газеты – объявления о свадьбах, рождениях, похоронах и городских событиях. Значит, она хотела, чтобы он прочитал статью об убийстве. Для чего? Единственный вариант – она имела к нему какое-то отношение. С учетом того, что она сотворила с поваром, это было очень даже возможно.

Достав телефон, Уинтер погуглил «Хартвудскую газету». Веб-сайта у нее не было, но зато нашелся сайт «Вестника демократов Рочестера». Рочестер – это тот город, где располагалось шерифское управление. Туда было логичнее всего поехать в надежде получить дополнительную информацию. Онлайн-версия архива не позволяла углубиться в период шестилетней давности.

Когда раздались полицейские сирены, Уинтер все еще ел. Сирены выли, мигалка раскрасила ночь в красно-голубые цвета. Двое полицейских выскочили из машины с пистолетами наголо. Конечно, Мендозы среди них не было, и это неудивительно. Ближайший полицейский участок располагался буквально в паре кварталов, и наверняка оттуда они и приехали. А пока Мендоза доберется сюда из Бруклина, пройдет немало времени.

Колокольчик приглушенно зазвенел, и дверь распахнулась. Полицейский, который был за рулем, вошел внутрь первым, за ним последовал и напарник. Он взглянул на тело повара, а затем на Уинтера.

– На пол! Руки за голову!

– Это вряд ли, – покачал головой Уинтер.

Полицейский вытаращил на него глаза. Этот взгляд Уинтер знал хорошо. В нем смешались удивление, недоумение и возмущение. Водитель был ниже своего напарника, но явно старше и опытнее. Ему было лет сорок пять, у него были голубые глаза и черные волосы. Глубокие морщины испещрили его лоб. Судя по нагрудному значку, его звали Причард, а напарника – Коллинз. Уинтер отрезал кусок омлета и положил его в рот. Причард направил на него пистолет и прицелился.

– На пол, я сказал!

– Или что? Убьете меня? – с сомнением покачал головой Уинтер. – Я так не думаю. И я знаю, что вы не подойдете сюда и не будете выволакивать меня из-за стола, потому что это место преступления и здесь нельзя нарушать обстановку, иначе вам грозят большие неприятности. Я как раз ее не нарушаю, потому что я – ее часть. Поэтому, если не возражаете, я доем свой завтрак. Скорее всего, в следующий раз мне придется поесть еще не скоро, так что уж лучше я воспользуюсь возможностью сейчас.

Он наколол на вилку несколько кусочков картошки и съел. Причард так и смотрел на него с открытым ртом. Наконец, словно очнувшись, он опустил пистолет и начал совещаться с Коллинзом.

Пока они говорили, Уинтер закончил есть, допил остаток кофе и вытер рот и руки салфеткой. Затем он аккуратно сложил ее, положил на стол и откинулся на спинку стула. Больше всего ему не давала покоя бессмысленность этого убийства. Так не должно быть! Этот повар должен был переворачивать бургеры и подпевать Элвису на протяжении долгих лет, а вместо этого его скоро замерят, положат в ящик и сожгут.

Он смотрел на полицейских до тех пор, пока они не закончили разговаривать и не переключили свое внимание на него. Не говоря ни слова, он встал, перешагнул через тело, повернулся и сложил руки за спиной.

3

Защелкнув наручники, Причард стал зачитывать права. Уинтер его не слушал, а производил расчеты времени прибытия Мендозы. Мысленно он дал ей полчаса. С момента его звонка в 911 прошло пять минут, значит, осталось еще двадцать пять. Сейчас же оставалось просто склонить голову и отдаться на волю системы.

Причард закончил никому не нужную речь и спросил Уинтера, понятны ли ему права. Уинтер ответил утвердительно, и Коллинз воспринял это как сигнал к действию. Выведя его под руку на улицу, он посадил его на заднее сиденье. В машине пахло свежей рвотой. Хоть кожаные сиденья и были тщательно вытерты, запах никуда не делся. Заднее сиденье было отгорожено. Присматривать за задержанным полицейские могли через толстое плексигласовое окошко, а приструнить его при необходимости – через сетку рядом с ним. Дверных ручек и стеклоподъемников на заднем сиденье не было.

Тем временем подъехала вторая полицейская машина с мигалкой и встала прямо перед первой. Плексиглас искажал изображение, но разобрать, что происходит, было вполне возможно. Он увидел, как Причард и Коллинз подошли и пожали руки двум полицейским в штатском. Они о чем-то говорили, жестикулируя,

несколько раз посмеялись. Причард явно рассказывал им, что случилось в кафе.

Закончив разговор, Причард сел за руль и завел машину. Как только Коллинз захлопнул свою дверь и уселся рядом, он резко дал по газам и, проехав задним ходом пятьдесят метров, вывернул руль влево и нырнул в узкий проезд, заставив Уинтера кататься по заднему сиденью. Когда он вернулся в сидячее положение, они уже вовсю набирали скорость.

– Ну и дегенерат нам попался, да?

Коллинз ответил не сразу. Он повернулся к Уинтеру, поймал его взгляд и только после этого сказал:

– Да, полный придурок.

Уинтеру было не привыкать к оскорблениям. В детстве он прошел школу выживания в этой области. После ареста отца его мать, взяв сына, пустилась в бега в надежде избежать позора. За шесть лет, с его одиннадцати до семнадцати лет, они сменили пятнадцать городов и десять штатов. И в каждой новой школе его пытались травить.

Дальше Причард и Коллинз перешли к обсуждению игры «Джайантс» в этом сезоне и уже через пару минут подъехали к полицейскому участку. Несмотря на ранний час, в окнах горел свет. Задняя дверь распахнулась, и Уинтера вытащили из машины. Он вдыхал ночной воздух, прислушиваясь к шуму города. По его расчетам, в роли задержанного ему оставалось быть двадцать две минуты.

– Пошел! – подтолкнул его Причард, и он направился к входу. Оформление заняло двадцать минут. Фотографирование, отпечатки пальцев, бумаги. Он не сводил глаз с часов и на двадцать второй минуте стал намеренно тянуть время. Мендозы все не было. На двадцать восьмой минуте его привели в комнату допросов. Дверь захлопнулась, и он остался один. Попадание в эту комнату в его планы не входило.

Мендоза уже должна была быть здесь. Оператор 911 должен был записать ее имя, вся необходимая информация для связи с ней у него есть. Почему же ее до сих пор нет? Одного телефонного звонка в Главное управление должно быть достаточно, чтобы подтвердить ее существование. Там же есть ее домашний

телефон, кто-то должен был с ней связаться. Она может не отвечать на мобильный, но стационарный телефон – другая история! Хотя перед сном она могла намеренно снять трубку с аппарата.

Уинтер и эту вероятность учел в своем первоначальном плане. В этом случае на ее адрес отправили бы машину, и кто-то бы стучал в дверь до тех пор, пока она не открыла. В это время суток Бруклинский мост абсолютно пуст, да и на улицах нет никаких заторов. До Бруклина – максимум двадцать минут езды.

Он решил расслабиться. Она скоро приедет. Правда, ему пришло на ум, что она может остаться ночевать у друга. Или подруги. Он не был уверен в их существовании. За время их совместной работы он не заметил никаких признаков наличия у нее отношений с мужчиной или женщиной. Она не отвлекалась на короткие телефонные звонки, не писала никому смс украдкой. Безусловно, она владела мастерством маскировки, но Уинтер догадался бы. И даже если не он, то коллеги бы обязательно заметили. Она работала среди детективов, кто-то бы увидел. В таком окружении невозможно иметь секретов. Кто-нибудь да знает, где ее искать.

Он сел и изо всех сил постарался расслабиться. Руки все еще были в наручниках и начинали неметь. Уинтер вытянулся и постарался встряхнуть руками. Комната, в которой он находился, походила на сотни других подобных комнат, где ему многократно приходилось бывать. Дешевый линолеум на полу, дешевая серая краска на стенах. Прикрученный к полу стол, четыре стула, по два с каждой стороны. Обвиняемый и его адвокат обычно сидят лицом к большому зеркалу, а полицейские сидят спиной к нему.

В комнате за зеркалом всегда кто-то следит. Обычно это не один человек. Уинтер столько раз сидел по другую сторону этого стола, что знал наизусть, как все устроено. Прямо сейчас они внимательно за ним наблюдают и продумывают стратегию, которая позволит им выжать из допроса максимум. Они строят план игры, ищут его слабости, которые можно будет использовать для достижения своей цели.

Ему очень хотелось встать и подойти к зеркалу. Именно это все обычно и делали. Каждый подозреваемый без исключения, если только он не был прикован цепью к столу или полу, обычно подходил к зеркалу и смотрел в него. Большинство еще и стучали по поверхности. Все они много раз видели это все в сериалах про полицию, но им словно требовалось самим убедиться в том, что по

ту сторону зеркала – комната, из которой за ними наблюдают.

С каждой минутой беспокойство усиливалось. А что, если он просчитался и в полиции не смогли связаться с Мендозой? Если так, то его ждали проблемы. Допрос вечно не продлится. В какой-то момент его отправят в камеру, и эта перспектива волновала его сейчас больше всего. Он прекрасно понимал, что в тюрьме мужчине ростом метр семьдесят пять весом шестьдесят пять килограммов с отсутствующими навыками самообороны придется несладко.

На данный момент он был не просто наиболее вероятным подозреваемым – он был единственным подозреваемым. Это было очень плохо, потому что зачем полиции искать настоящего убийцу, если у них уже есть задержанный? Они просто пойдут по пути наименьшего сопротивления. Не будут же они изо всех сил создавать себе дополнительный фронт работ? Особенно если они только что отработали ночную смену.

Уинтер глубоко вздохнул и постарался не думать в этом направлении. Он уже никак не мог повлиять на исход дела, поэтому смысла волноваться не было. Все, что ему оставалось, – ждать, что случится дальше. С Мендозой или без нее, правда выйдет наружу. Он немного поерзал на стуле, чтобы устроиться поудобнее, и еще раз встряхнул руки. Затем закрыл глаза и начал отсчитывать секунды.

4

Дверь открылась, и вошел чернокожий сотрудник – среднестатистический во всех отношениях: среднего роста, среднего телосложения с ничем не примечательным лицом. Вместо формы на нем был костюм – значит, он работал следователем. Костюм был мятый, сидел на нем плохо, галстук сместился куда-то вбок. В левой руке он нес лист бумаги и ручку, а в правой – тонкую папку и цифровой диктофон.

Следователь сел напротив Уинтера, положил на стол папку и диктофон, нажал на кнопку записи и начал с формальностей – назвал дату, время и констатировал, что Уинтер является подозреваемым в убийстве. Представился он сержантом Дэррелом Хитчином.

Затем он подтолкнул к Уинтеру листок бумаги, и он подался вперед, чтобы прочитать текст. В нем оказался стандартный перечень прав подозреваемого. Уинтер видел его столько раз, что мог по памяти рассказать его от начала до конца. Тем не менее он начал читать его с таким вниманием, словно это был самый важный документ в его жизни. Чтобы Хитчин вспомнил про то, что он сидит в наручниках, Уинтер постучал ими о спинку стула.

– Если вы хотите, чтобы я это подписал, вам придется снять с меня эти штуки.

– На несколько минут. Потом вы снова их наденете.

– Да бросьте, неужели я похож на опасного человека?

– Внешность обманчива.

Следователь держался бесстрастно, но Уинтер не верил в это показное спокойствие. Он знал, что в душе он ликует. Не часто встретишь подозреваемого в убийстве, который согласится давать показания без адвоката. Уинтер уже обдумал эту опцию, ведь она давала возможность отправить Хитчина на поиски Мендозы. Мешало только то, что посреди ночи не так легко найти адвоката, а значит, его могут отправить в камеру до утра. И даже если отбросить вопрос личной безопасности, это приведет к потере времени. Чем глубже в систему попадаешь, тем дольше потом выбираться из нее. Каждая минута внутри системы – потерянная минута. Зачем тратить время, если можно использовать его намного рациональнее? Например, разузнать об убийстве семьи Рид.

Хитчин обошел стол и щелкнул замком наручников. Было приятно, пусть ненадолго, освободиться от них. Сталь ощутимо впивалась в кожу и давила на кость. Размяв запястья, Уинтер взял ручку и подписал документ. Вместо того чтобы завести руки за спину, он вытянул их вперед. Хитчин смотрел на него, не говоря ни слова.

– Да ладно вам, я же веду себя тихо с самого начала. Не верите – спросите у коллег. Я же просто идеальный заключенный, вообще никаких проблем не создаю.

Хитчин оглядел его с головы до ног – начиная с седых волос и толстовки с капюшоном до поношенных джинсов и старых кроссовок. Затем он застегнул наручники, обошел стол и сел на свое место. Уинтер дождался, пока тот не устроится поудобнее.

– Как звали повара?

– Что?

– Убитого повара как звали?

– А это вам зачем?

– Он не должен был умереть. Он просто оказался не в том месте не в то время.

Хитчин удивленно повел бровью.

– Не радуйтесь раньше времени. Я еще ни в чем не признался и не собираюсь. – сказал Уинтер и, помедлив, добавил: – Ладно, я же прекрасно знаю, как здесь все устроено: вы задаете вопросы, я отвечаю. В этой связи я понимаю, почему вы не говорите мне его имя.

Хитчин наблюдал за ним со своего места, подозрительно прищурившись и не говоря ни слова.

– Ладно, сделаю проще. Если вы ответите на мой вопрос, я с радостью отвечу на все ваши. Любой вопрос задавайте. Если хотите, можем тут до вечера проговорить, я совершенно не возражаю. Но если вы на мой вопрос не ответите, то, боюсь, мне ничего не останется, кроме как воспользоваться пятой поправкой к Конституции и следовать своему праву хранить молчание. И вам ничего из меня не выбить в этом случае.

Он замолчал и, улыбаясь, ждал, пока Хитчин посмотрит ему в глаза.

– Ну, что скажете? Речь идет всего об одном маленьком безобидном вопросе.

Выждав немного, следователь открыл папку и перевернул несколько страниц. Их было немного, потому что дело только что завели.

– Его звали Омар Харрак. Он приехал из Марокко, в Штатах прожил почти десять лет. Женат, двое детей, мальчик и девочка. В иммиграционной службе на него есть вся информация. Грин-карту получил чуть больше четырех лет назад. Никаких правонарушений за ним не числилось, даже правила дорожного движения не нарушал.

Уинтер закрыл глаза и прошептал его имя несколько раз. Прокрутив в голове картинку его убийства, он открыл глаза и посмотрел на Хитчина.

– Спасибо.

– Quid pro quo. Услуга за услугу. Что вы делали в этом кафе посреди ночи?

Вместо ответа Уинтер встал и подошел к одностороннему зеркалу, прекрасно зная, что Хитчин не сводит с него глаз. То, что он не начал орать на него и требовать вернуться за стол, только подтверждало его предположения. Посмотрев на свое отражение, он увидел, как в уголках рта у него начинает формироваться усмешка, и с силой ударил по стеклу.

– Мендоза, выходи! Я знаю, что ты там! – И он ударил снова, и глухое эхо удара разнеслось по комнате. – Я считаю до десяти, а потом иду в ту комнату за стенкой. Раз, два, три…

– Сядьте! – скомандовал Хитчин, вскочив с места.

– Четыре, пять, шесть…

Тяжелая рука опустилась на его плечо и потащила Уинтера назад к столу. Хитчин резко усадил его на стул и, вернувшись на свое место, злобно посмотрел на него.

– Я задал вам вопрос. Что вы делали в кафе?

Уинтер на мгновение улыбнулся и повернулся к двери.

– Семь, восемь, девять, десять, – шепотом считал он.

5

Дверь комнаты открылась, и на этот раз вошла Мендоза. Длинные кудрявые волосы были собраны в обычный хвостик, а оливковая кожа еще напоминала о давно минувшем лете. Выглядела она еще более недовольной, чем обычно, и очевидная причина заключалась в том, что из-за Уинтера ее посреди ночи вытащили из постели.

Было полчетвертого утра, но ее внешний вид был безупречен – ни одной складки на одежде, ни единого пятнышка на черных кожаных туфлях. Левая сторона пиджака была скроена так, чтобы поместилась подмышечная кобура. При первой встрече с ней Уинтер подумал, что в школе она подлизывалась к более популярным одноклассницам, давая им списывать уроки. Но он ошибся. Карле Мендозе было абсолютно все равно, что думали о ней другие люди.

Мендоза подошла к Хитчину и положила руку ему на плечо.

– Дальше я сама разберусь, сержант.

У нее был чисто бруклинский акцент, все слоги были ударными, и в каждом из них звучала угроза. Она не курила, но голос у нее был такой, словно она выкуривала по две пачки в день.

Хитчин встал и презрительно фыркнул:

– Да? Ну, удачи!

Мендоза примостилась на стул, который только что освободил Хитчин, и, как только он вышел, спросила:

– Что ты делал в этом кафе?

– Завтракал.

– В два часа ночи?

– У меня сбиты биоритмы. Я посреди ночи чувствую себя как днем. Это все из-за того, что я живу в самолетах.

– Ну, а почему ты выбрал О’Нилз? Не сказать, что это место легко найти неместному.

– Я случайно наткнулся на него пару ночей назад. Проснулся посреди ночи голодный, вышел, чтобы что-нибудь перекусить. У меня не было четкого плана, я просто шел куда глаза глядят. А поскольку кормили там вкусно, я и в следующую ночь туда пошел, и сегодня.

– Если там так хорошо кормят, как ты говоришь, зачем же тебе понадобилось убивать повара?

– Омара, – поправил ее Уинтер. – Его звали Омар.

– Хорошо, – кивнула Мендоза. – Зачем ты убил Омара?

– Я его не убивал.

– Если не ты, то кто?

Уинтер помедлил. Ему все еще не верилось, что Омара зарезали прямо на его глазах.

– Давай я тебе расскажу, что произошло, и ты сама поймешь, – предложил он.

– У тебя тридцать секунд, чтобы убедить меня, – сказала Мендоза и откинулась на спинку стула.

Уинтер собрался с мыслями, закрыл глаза и рассказал ей все, чему стал свидетелем. Он начал с того, как вошел в кафе, и закончил тем, как женщина

исчезла в ночи. Пока он говорил, вся история разворачивалась в его голове, все детали выстраивались в единую цепь. Он явственно ощутил запах жареного масла, почувствовал поток горячего воздуха из обогревателя, слышал Элвиса. Закончив свой рассказ, он открыл глаза. Рассказ занял дольше, чем тридцать секунд, но Мендоза его не прерывала. Было очевидно, что ей совершенно не понравилось то, что она услышала. Она хмурилась и качала головой.

– И ты думаешь, что я в это поверю?

Уинтер молчал.

– Ты же должен был лететь в Рим.

– Самолет у меня в шесть. И не в Рим, а в Париж.

– Какая разница. Я ведь отчетливо помню наш последний разговор. Я сказала тебе, что хорошо бы, чтобы поводов встретиться у нас больше не было. И я очень искренне это говорила.

– А я помню нечто другое. Например, как ты говорила, что безмерно благодарна мне за помощь в поимке Райана Маккарти. Как же ты сказала?.. «Если что-то понадобится – только свистни».

– Я не говорила, что я «безмерно благодарна». А слово «свистни» я вообще не использую.

– Я понимаю, что моя история не кажется тебе достоверной. Но я также знаю, что ты знаешь, что я не убивал Омара.

Мендоза покачала головой:

– Я знаю одно: ты мыслишь, как серийный убийца. Это помогло найти Райана Маккарти, но вообще-то это жутковатая способность. Кто знает, может, у тебя внутри что-то щелкнуло и ты взял и ударил его ножом.

– Ты серьезно? – засмеялся Уинтер.

Мендоза не ответила.

– Я не убивал Омара. Если бы убийцей был я, я бы все сделал по-другому. Во-первых, я бы не сидел в кафе в ожидании копов. Во-вторых, я обеспечил бы себе алиби. В этом можешь быть уверена. Как и в том, что оно было бы железным.

– И что я должна думать теперь, когда ты говоришь такие вещи? – спросила она, подавшись вперед. – Еще расскажи мне десять разных способов убить этого повара и бесследно исчезнуть с места преступления. Ты это можешь, и знаешь почему? Потому что ты уже давно все обдумал. Это твоя работа, ты целыми днями только и делаешь, что представляешь, каково это – быть серийным убийцей. А что, если тебе больше недостаточно воображать? Что, если ты решил получить этот опыт из первых рук, пересечь черту?

– Его звали Омар, – тихо сказал Уинтер. – Почему мы сидим и тратим время? Мы должны искать эту женщину. Поэтому я тебя вытащил из постели посреди ночи. Она убийца, а наша работа – ее поймать.

– Нет-нет-нет, – перебила его Мендоза. – Никаких «мы»! Это твои проблемы, Уинтер.

– Я не убивал Омара.

– Прекрасно. Докажи это.

– Это тяжеловато сделать с этими штуками на руках, – сказал он, подняв руки и гремя наручниками.

Мендоза еще глубже вжалась в стул и скрестила руки. Уинтер положил свои на стол ладонями вниз.

– Ладно, – продолжил он. – Хорошая новость в том, что нам не нужно искать эту женщину, потому что она сама нас найдет. Последнее, что она сказала мне, – это то, что мы с ней очень скоро увидимся. Поэтому давай пока разберемся с убийством в Хартвуде. Нужно связаться с местной полицией и послушать, что они скажут. Своей газетой она, как компас, указывает нам направление, поэтому я предлагаю посмотреть, куда оно нас заведет. И над убийством Омара тоже

нужно работать. Я сомневаюсь, что он как-то связан с этой женщиной, но его близкие заслуживают ответов на вопросы.

– Ты столько всякой чуши наговорил, что я даже не знаю, откуда начать, – сказала Мендоза, так туго накрутив волосы на палец, что у него побелел кончик. Поправив хвост, она выставила левую руку, сжав пальцы в кулак. – Хорошо, во-первых, – начала она, выпрямив указательный палец. – Твои доводы основаны на предпосылке, что таинственная незнакомка на самом деле существует. Пока у нас есть только твое слово. Во-вторых, – выпрямила она средний палец, – как я уже сказала, никаких «мы». Я к этому всему отношения не имею.

– Мендоза, перестань, я ничего не смогу сделать, сидя в наручниках в этой комнате, и без тебя я ничего не смогу. Ты мне нужна. Признай, мы с тобой – отличная команда.

Уинтер улыбнулся своей самой праздничной улыбкой.

– Плюс она на самом деле существует.

– Уинтер, у меня в полдень самолет в Вегас, и я планирую улететь в этом самолете. Не потому, что я хочу в отпуск, а потому, что это приказ. И, в отличие от тебя я выполняю приказы. Хочешь знать правду? Мне сама мысль об отпуске тошнотворна. Хоть это всего неделя, я предпочла бы отпуск на неделю короче.

– Смотри: раз у тебя есть приказ уехать в отпуск, почему бы тебе не провести его в Хартвуде? Я слышал, там очень красиво в это время года. Погуляешь, книжку почитаешь. – Уинтер замолчал, и тут его лицо озарилось улыбкой. – А если заскучаешь – сможешь помочь мне расследовать убийство шестилетней давности.

Мендоза рассмеялась. Она не хотела выдавать свои эмоции, но не успела сдержаться.

– Уинтер, остановись!

– Признай, тебя же саму распирает от любопытства. Ну, что скажешь?

Она ничего не ответила, а он снова улыбнулся.

– Я вижу, ты хочешь поехать, – сказал он и развел большой и указательный пальцы на небольшое расстояние. – Пусть хоть и совсем чуть-чуть, но хочешь.

– Знал бы ты, как сильно ошибаешься.

Уинтер откинулся на стуле и молчал. Мендоза тоже ничего не говорила. Почти минуту они сидели и смотрели друг на друга в тишине. В конце концов Уинтер прервал молчание:

– Если мы ничего не предпримем, эта женщина продолжит убивать. Ты это знаешь, и я это знаю.

– Если она существует.

– Ты что, на самом деле думаешь, что я причастен к убийству Омара?

– Честно? – Мендоза пожала плечами и покачала головой. – На данном этапе, Уинтер, я не знаю, что думать.

6

Мендоза вышла из комнаты, и Уинтер остался один. Дверь за ней закрылась, и уже во второй раз за ночь ему оставалось только наблюдать за происходящим. Прямо как в кафе, когда он смотрел в окно на уходившую в ночь блондинку.

Он посмотрел на наручники и перевел взгляд на зеркальное стекло. События разворачивались совсем не так, как планировал Уинтер, и это начинало его беспокоить. Он рассчитывал, что Мендоза – ругаясь и раздражаясь – вызволит его отсюда и снимет с него наручники. Они уже должны были заниматься убийством Ридов. Но реальность даже рядом не стояла с его планами.

Мендоза не сказала ему, куда она идет и зачем. Она вообще ничего не сказала – просто встала из-за стола и вышла из комнаты. Уинтер сам много раз сидел на ее месте и прекрасно знал правила игры. В эту самую секунду она смотрит на него через зеркальное стекло и продумывает следующий шаг. А ему остается только сидеть здесь и с каждой минутой все сильнее ненавидеть все вокруг.

Полным сюрпризом назвать ее поведение было нельзя. С первых дней знакомства с ней он знал, что на слово Мендоза никогда не верит. Этому качеству можно только порадоваться, но, как показала практика, не во всех случаях.

Мендоза вообще оставалась для него закрытой книгой. Он пытался навести кое-какие справки о ней, но безрезультатно. Все, что ему удалось выяснить, было связано с работой. Ничего личного ему раскопать не удалось. И это только подтверждало то, что ей отлично удавалось разделять личную жизнь и профессиональную.

В одном не было никаких сомнений – она была отличным специалистом, и Уинтер смог в этом убедиться на собственном опыте. Дело Маккарти она вела образцово-показательно. В полицию Нью-Йорка Карла пришла прямиком после университета, и можно было уверенно предположить, что уйдет она оттуда только на пенсию. За долгие годы Уинтер перевидал немало полицейских. Среди них были те, кто работал ради денег, но были и такие, для кого работа – призвание. Мендоза как раз из числа последних, это было очевидно.

Он снова прокрутил в голове сцену убийства Омара. Он искал какую-нибудь деталь, которую он упустил из виду и которая поможет ему выбраться из этой комнаты. Но память ничего нового ему не показывала.

Комната теперь казалась ему гораздо меньше, чем в самом начале, как будто стены начали смыкаться вокруг него. Ему хотелось встать и пройтись, подойти к зеркалу и смотреть на него. Еще раз стукнуть по нему, проделать все то, что – как он много раз видел сам, находясь по ту сторону стекла, – делают другие. Хоть он и был невиновен, его начали одолевать сомнения. Такой эффект производила на него комната, и так и было задумано. Здесь человек должен ощущать вину. Может, на двери и висит табличка «Комната для допросов», но зачем себя обманывать: это тюремная камера, только без кровати и унитаза. Это даже хуже, чем камера, – это чистилище. И если запахнет жареным, он попадет прямо в ад. А если все сложится справедливо, снова будет на свободе. Эта

неопределенность сводила с ума.

Отец Уинтера до казни провел в тюрьме два десятилетия. Уинтер периодически задавался вопросом, как же он выдержал там все эти годы. Он бы так не смог. Максимум два года, а потом он бы взял дело в свои руки. Жизнь в неволе – не жизнь.

Наконец дверь открылась, и Мендоза вернулась с ноутбуком. Он ожидал, что она снова сядет напротив него, но на этот раз она поставила лэптоп на стол и перешла на его сторону. Уинтер вопросительно посмотрел на нее, но лицо Мендозы было непроницаемым.

– Давай сюда руки.

Он снова взглянул на нее и, не дождавшись никаких комментариев, поднял руки из-под стола. Она достала ключ и сняла наручники. Уинтер стал растирать запястья, а Мендоза обошла стол и села на свое прежнее место. Дождавшись, пока она устроится и посмотрит на него, Уинтер улыбнулся.

– Спасибо. Ты себе не представляешь, как здорово без наручников. И что же заставило тебя передумать?

Вместо ответа Мендоза открыла лэптоп и нажала на несколько клавиш. Затем повернула экран к Уинтеру, чтобы он мог посмотреть видео с дешевой камеры наблюдения. Качество было так себе, но этого было достаточно.

Судя по временным отсечкам, запись была сделана в восемнадцать минут второго ночи. На экране был виден магазин, находившийся на той же улице, что и кафе. Изображение с широкоугольной камеры было нерезким, с нарушенной перспективой. Сначала мимо прошла влюбленная пара. Они смеялись, обнимались и явно наслаждались друг другом. Потом почти целую минуту ничего не происходило, а затем мимо прошла женщина. Она шла быстро, смотря себе под ноги. Тридцать секунд тишины – и на экране появилась блондинка. Была видна только часть ее лица, но Уинтер узнал ее по тому, как двигались у нее плечи при ходьбе.

– Это она, – сказал Уинтер.

– Мы так и поняли.

Мендоза нажала еще пару клавиш, запустив новое видео. В этот раз часы на экране показывали без трех минут два, но изображение было идентичным первому: та же улица, тот же магазин, тот же угол съемки. Прошло три секунды, и мимо магазина прошел мужчина.

– А вот и я.

Мендоза запустила третье видео. На часах – двадцать две минуты третьего. Женщина снова прошла мимо магазина, на этот раз в обратном направлении. Мендоза нажала на паузу, заставив ее замереть на ходу.

– Лейтенант Джонс считает, что на основании данных съемки мы должны поверить тебе, раз улик против тебя недостаточно, – сказала Мендоза безразличным и каким-то безжизненным тоном и с напряженным лицом.

– А ты, очевидно, не согласна с его решением. Ты что, предпочла бы, чтобы я оказался убийцей? Это плохо бы сказалось на твоей карьере, разве нет? Ведь это означало бы, что ты не смогла вычислить меня во время расследования дела Райана Маккарти. – Уинтер улыбнулся. – Ну что, в Вегас уже не едешь?

– Хорошая новость: мой принудительный отпуск отменили, – злобно посмотрев на Уинтера, сообщила Мендоза. – Плохая новость: до задержания этой женщины мне приказано помогать тебе в ее поисках.

– Это хорошая новость.

– Ничего хорошего. В этой ситуации нет вообще ничего хорошего.

– Тебе посчастливится побывать в Хартвуде.

– Я бы лучше к стоматологу сходила.

– Надеюсь, это шутка? Ты же на самом деле не хочешь к стоматологу? Ни один человек в здравом уме не хочет к стоматологу.

Мендоза красноречиво посмотрела на Уинтера.

– Ладно, расскажи мне еще раз, как все произошло, – с начала до конца. Мне нужно знать абсолютно все до мельчайших деталей. Понял?

7

И Уинтер снова пересказал свою историю, только на этот раз Мендоза прерывала его и задавала уточняющие и наводящие вопросы. Но не похоже было, чтобы она выудила из его ответов что-то новое. Убийство Омара врезалось в его память настолько хорошо, что он и в первый раз рассказал все, что только можно было выжать из этой истории.

– Ты, видимо, уверен на сто процентов, что эта женщина убила Ридов, – сказала Мендоза, когда Уинтер закончил говорить.

– Да. То, что она убила Омара, подтверждает ее способность совершить убийство. И зачем ей оставлять газету? Ведь зачем-то же она указала нам на Ридов. Я не вижу никакой иной причины.

– Понятно. Хорошо, получается, что эта женщина сидела в кафе, когда ты туда пришел, потом она подошла к твоему столику, заговорила с тобой, потом зарезала повара и ушла. И никакого повода для убийства не было.

– Ей не нравилось, что я не воспринимаю ее всерьез, но да, я бы сказал, что повода для убийства не было, – кивнул Уинтер.

– И ты ее никогда в жизни не видел?

– Нет, – покачал головой Уинтер.

– И она знает твое имя.

Уинтер кивнул, и Мендоза нахмурилась.

– Значит, она ждала тебя специально. Выслеживала тебя, а ты этого даже не заметил. Теряешь квалификацию.

– Никакой связи нет. Это означает, что она – профи.

– Профи?

– Мы с тобой единодушны в том, что по большей части преступники – идиоты. Иначе они оставались бы на свободе. Но время от времени встречаются умные экземпляры, которые планируют все до последней детали. Они любят свое дело и не хотят, чтобы их лишили возможности продолжать это дело. Эта женщина – из таких.

Мендоза засмеялась и покачала головой:

– Ну конечно, тебе остается объяснять все именно ее умом. Не скажешь же ты, что тебя обхитрила идиотка.

Уинтер проигнорировал иронию в ее словах и закрыл глаза. Она пыталась бить в его слабые места, но на работе это положительно не сказывалось. Он снова проиграл в голове каждое действие, постаравшись составить из них общий пазл. Камера добавила новый угол зрения. Он открыл глаза.

– Проверь съемку с камеры предыдущих дней. Увидишь, что она шла за мной в кафе в ночь с понедельника на вторник и на следующую ночь. Скорее всего, был и третий раз – возможно, днем, – чтобы освоиться внутри помещения. Поскольку я приходил туда две ночи подряд, она предположила, что будет и третий раз, поэтому она сама оказалась там заранее. Ростом она где-то метр семьдесят пять, но на каблуках она будет казаться выше. В эти первые дни на съемке вряд ли она будет с белыми волосами, в джинсах и кожаной куртке. Наверняка она была в парике в ночь убийства, да и цвет глаз у нее скрыт линзами.

– Я поручу кому-нибудь этим заняться, – сказала Мендоза, немного подумав.

– Не надо, не трать время.

– Ты же сам это только что предложил.

– Ну, а теперь я подумал и понял, что это пустая трата времени. Мы только убедимся, что она работает методично, и все. А это и так понятно, можно обойтись и без этого доказательства. Нам нужно смотреть вперед, в лобовое стекло, а не в зеркало заднего вида. Она оставила нам в качестве зацепки Хартвуд и Ридов, и у нее была на это какая-то причина. Я хочу узнать эту причину.

Они замолчали, и Уинтер посмотрел на собственное отражение в зеркальном стекле. Он снова вспомнил, как женщина переходила улицу и исчезла за углом, а Элвис запел «Suspicious Minds».

– Тебе как кажется, преступниками становятся из-за генов или воспитания? – спросил он.

– Мне кажется, бывает по-разному. Кто-то рождается преступником, а кто-то становится.

– Согласен. Эта, мне кажется, родилась такой.

– Почему ты так решил?

«Потому что я заглянул ей в глаза и увидел в них себя», – промелькнуло в голове у Уинтера. Но вместо этого он сказал:

– Пообщайся с безумцами с мое и научишься хорошо в них разбираться. Эта женщина – психопатка. Убийством Омара она продемонстрировала свою потребность контролировать и манипулировать. Сейчас она играет со мной. Ее поступки – это желание продемонстрировать, что она – ферзь на шахматной доске.

– Ну, хорошо, убедил. Тогда возникает вопрос, зачем ей это нужно. Исходя из твоего рассказа, я понимаю, что она профи в своем деле, так?

Уинтер кивнул. Всех преступников он разделял на две категории – организованные и дезорганизованные. Доктор Гарольд Шипман – идеальный образец высокоорганизованного преступника, на его счету рекордное количество жертв. Он был умным, жестоким манипулятором. Орудовал в Англии

более двух десятилетий, и за это время, по разным подсчетам, убил более двухсот пятидесяти своих пациентов. Дезорганизованные преступники более хаотичны в своей деятельности. В результате их и ловят быстрее, и жертв на их счету гораздо меньше.

– И все же – зачем ей ты? – снова спросила Мендоза.

– Понятия не имею, – покачал головой Уинтер.

– Допустим, она устроила за тобой слежку, но ты бы это заметил. Сработало бы боковое зрение, или у тебя бы появилось ощущение, что что-то не так. Даже если бы она выглядела по-другому, ты все-таки гиперчувствителен к такого рода вещам.

– Это комплимент? – спросил Уинтер, поймав пристальный взгляд Мендозы.

– Нет, я лишь констатирую факт.

– Я ничего не заметил, потому что у меня не было повода присматриваться.

– Объясни.

– Хорошо, – глубоко вздохнув, согласился Уинтер. – Я нашел это кафе чисто случайно пару ночей назад. Поскольку еда мне понравилась, я вернулся и на следующую ночь. И сегодня. Три ночи подряд – уже привычка. Первое правило противодействия слежению – меняй привычки. Если ходишь в одно и то же место каждый день, не ходи туда одной и той же дорогой. Никогда не ешь в одном и том же кафе дважды, не говоря уже – трижды.

Какое-то время они сидели и молча смотрели друг на друга, пока Мендоза не кивнула, чтобы он продолжал.

– Но дело Маккарти – не такое резонансное, чтобы из-за него мною кто-то заинтересовался. А перестраховываться и на всякий случай запутывать след – это не про меня. Так можно стать параноидальным лунатиком. Если появится необходимость, я повышу уровень осторожности, но для этого нужна внятная угроза. Райан все-таки довольно пуглив, оттягивался только по ночам и в

сумраке. Он уж точно не будет организовывать слежку за собственными преследователями.

– Знаешь, нет ничего страшного в признании собственных поражений, – сказала она, внимательно изучая его лицо.

Прежде чем Уинтер успел что-то ответить, раздался стук в дверь и в комнату вошел Хитчин. Он раскраснелся, дыхание сбилось, в руках у него был небольшой блокнот. Костюм помялся еще больше, чем прежде, но лицо оставалось абсолютно невыразительным.

– Ты просила сказать, как только я получу ответ от шерифа округа Монро.

– Да, что мы имеем? – спросила Мендоза.

– Есть подтверждение, что Лестер и Мелани Рид стали жертвами двойного убийства, произошедшего шесть лет назад в Хартвуде, небольшом городе на севере штата в тридцати километрах от Рочестера. Также подтверждено, что в шерифском отделении дело закрыто. Убийцей является парень из местных.

– То есть они больше не ведут поиски?

Хитчин покачал головой.

– Ты уверен?

– Да, насколько это вообще возможно, учитывая то, что сейчас ночь и я непонятно с кем разговаривал.

– Вот и рассыпалась твоя теория о том, что их убила таинственная незнакомка, – сказала Мендоза, повернувшись к Уинтеру.

– Но тогда зачем привлекать мое внимание к этим убийствам? – нахмурился Уинтер.

– Без понятия. Может, она пытается тебя запутать, – предположила Мендоза и снова повернулась к Хитчину: – А у тебя есть имя парня?

Детектив открыл блокнот.

– Да. Нельсон Прайс.

– Есть по нему информация?

– Ничего, за исключением того, что на момент совершения убийства ему был двадцать один год. Сейчас ночь, и мне пришлось говорить с людьми, которые просто посмотрели по базе, а не с теми, кто участвовал в расследовании.

– Мы знаем, где содержится сейчас Нельсон?

– Нет, к сожалению, этой информации мне получить не удалось.

– Кто возглавлял расследование?

Хитчин снова уткнулся в блокнот.

– Человек, с которым я разговаривал, сказал, что, скорее всего, это был Джеремайя Лоу. В то время он был ведущим специалистом по убийствам в шерифском управлении округа Монро. Но его имя нам ничего не даст, поскольку он уже мертв. Но есть и хорошие новости. Хартвудские полицейские первыми прибыли на место преступления, и шеф полиции все еще работает. Его зовут Берч. Я пытался дозвониться до Управления, но попал на автоответчик, что неудивительно. Город маленький, и наверняка полиция работает с девяти до восемнадцати.

– Есть еще что-нибудь?

– Нет, это все.

– Мне нужно, чтобы кто-нибудь просмотрел записи видеокамеры еще раз. Мы предполагаем, что за Уинтером следили. – И, улыбнувшись Уинтеру, она спросила: – Примерно в какое время ночи ты был там в понедельник и вторник?

– Около двух часов.

– Оба раза?

– Оба раза.

Она снова повернулась к Хитчину:

– Имейте в виду – женщина могла прибегнуть к маскировке. И пусть запросят дневную съемку с этой камеры, нас интересуют вторник и среда.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Нет, пока все.

Хитчин вышел и закрыл за собой дверь.

– Ты зря теряешь время, – повторил Уинтер.

– Давай так: ты не мешаешь мне работать, а я не мешаю тебе. Договорились? – Уинтер улыбнулся. – Я серьезно.

Уинтер подождал, что она скажет что-то еще, но она явно сказала все, что хотела. Прождав еще пару секунд, он закрыл глаза и снова представил себя в кафе. Заново проиграв в уме разговор с женщиной, он сделал еще одну попытку найти выпавшую из фокуса деталь, которая поможет сложить пазл. Он вслушивался в тон ее голоса, в высоту, в приглушенные концы предложений. Он представил ее ярко-зеленые глаза, когда она изучала его, сидя напротив за столиком. Но ему никак не удавалось разгадать, в чем же состояла ее игра. Открыв глаза, он наткнулся на проницательный взгляд Мендозы.

– В чем дело, Уинтер?

– Я и сам себе задаю тот же вопрос.

– И?

– Я знаю одно: продолжая здесь сидеть, мы ответов не получим. Я за то, чтобы ехать в Хартвуд. Если выедем прямо сейчас, успеем до утренних пробок.

Мендоза смотрела на него так, как будто он предложил съездить на пару недель в Вегас.

– Это же всего-навсего север штата Нью-Йорк, а не перелет в другую страну. Если поедем прямо сейчас, уже к десяти или даже к девяти тридцати мы будем там.

– Ты серьезно? Ты же слышал Хитчина. Убийца – Нельсон Прайс. И то, что мы туда поедем, ничего не изменит. Поверь, мне есть чем заняться. Читай по губам: я в Хартвуд не еду.

– Видимо, пришло время напомнить тебе, что лейтенант Джонс приказал тебе помогать мне, – улыбнулся Уинтер. – Знаешь, как ты можешь мне помочь? Достань нам где-нибудь шуструю машину.

8

Мендоза гнала всю дорогу, и они доехали за пять с небольшим часов. По ее просьбе коллега из отдела по борьбе с наркотиками выдал ей «БМВ М3», конфискованную во время облавы. Машина была соответствующим образом тюнингована: тонированные стекла, кожаный салон, цвет белый металлик, саунд-система, благодаря которой машина превращалась в полноценный ночной клуб. По дороге их дважды останавливала полиция – в Бингхэмптоне и в тридцати километрах на юг от Сиракуз. Мендоза доставала свой жетон, и через пару минут они могли продолжать путь.

Последние пятнадцать километров проходили по узким проселочным дорогам в окружении высоких деревьев. Несмотря на крутые повороты, Мендоза почти не сбавляла скорость, что полностью устраивало Уинтера. Чем быстрее, тем лучше. Он предпочел бы вести машину сам, но надо было признать, что Мендоза справлялась неплохо. Нью-Йорк с комнатой для допросов остался далеко позади, и Уинтер, наконец, смог расслабиться. Теперь все двигалось в нужном

направлении.

Они проехали знак с надписью «Хартвуд. Маленький город с большим сердцем». Прямо по курсу виднелся старый деревянный мост для поцелуев, покрашенный в природный коричневый цвет. Выглядел он очень древним. Лучшего места для фотосъемки было просто не придумать.

– Если это город из «Сумеречной зоны» и меня убьют во сне, я вернусь за тобой, понял? – сказала Мендоза, повернув голову.

– Это будет достойным наказанием для меня, – засмеялся Уинтер.

– Я не шучу.

– Ни секунды не сомневаюсь.

Дребезжащий мост они проехали на скорости двадцать пять километров в час. Грохот стоял такой, что эхо резонировало по всему салону. Выехав с другой стороны, «БМВ» снова нырнула под своды зеленых деревьев.

– А ты почему пошла в полицию?

– Это ты к чему?

– Просто задал вопрос.

– Я на личные вопросы не отвечаю.

– Я тоже, – заметил Уинтер и подождал, пока Мендоза не повернется и не посмотрит в его сторону. – Я пошел в аналитический отдел ФБР, потому что хотел разобраться в действиях отца. А ушел я оттуда потому, что до сих пор в них не разобрался. Теперь твоя очередь.

Мендоза молчала, бросая украдкой на Уинтера беглые взгляды.

– Мой отец был полицейским, – наконец сказала она. – И дед. Так что можно считать, что это семейный бизнес.

– Твой отец все еще работает?

– Он ушел на пенсию десять лет назад, – покачала головой Мендоза. – Они с мамой переехали в Нью-Гэмпшир.

– А мама тоже в полиции работала?

– Нет, она работала женой полицейского. Она и затеяла этот переезд. Прожив в Нью-Йорке тридцать лет, она хотела убраться от этого города как можно дальше.

– И наверняка она была не в восторге, когда ты решила пойти по стопам отца.

– Нет, конечно, но она предполагала, что так случится. На этом все, больше никаких вопросов.

Через пару минут они въехали в город. Пока они медленно двигались по Мейн-стрит, Уинтер ощущал себя, словно вернулся в машине времени в конец прошлого века. Не было видно ни сетевых магазинов, ни «Макдоналдса», ни «Старбакса». Около парикмахерской медленно вращался вокруг своей оси старомодный красно-белый указатель, рядом виднелась надпись «Аптекарь», а самым крупным зданием в центре был универмаг. В автосервисе продавался бензин и подержанные отремонтированные машины. Судя по всему, этот бизнес передавался от отца к сыну поколениями. Уинтер начал напевать музыку из «Сумеречной зоны», а Мендоза делала вид, что ничего не слышит.

Полицейский участок Хартвуда располагался в маленьком одноэтажном бетонном здании посередине Мейн-стрит. Мендоза припарковалась на свободном месте и заглушила двигатель. Грязный «Форд» по соседству явно отпраздновал десятилетний юбилей и прошел не менее трехсот тысяч километров.

– Думаешь, это их единственная машина? – спросил Уинтер, открывая дверь автомобиля.

Мендоза ничего не ответила.

Уинтер вышел и потянулся после долгой дороги. Встряхнув конечности, он надел куртку и застегнул ее до самого подбородка, чтобы не замерзнуть. Деревья, посаженные вдоль тротуара, под светом утреннего солнца утопали в красках – разные оттенки коричневого, красного и оранжевого радовали глаз. В такой прекрасный осенний день легко забывалось, что совсем скоро декабрь.

Мендоза поправила форму и пошла к входу. Уинтер не отставал. Открыв дверь, они оказались в помещении, разделенном длинной стойкой на две части – для посетителей и сотрудников. Попасть из одной в другую можно было, подняв перегородку.

Стола было всего два, а помещение это, похоже, единственное. Таким образом, полицейское управление Хартвуда состояло из двух человек. В углу была оборудована маленькая камера два на два метра. Железная решетка и кровать были ввинчены в пол и стены. Унитаза, к счастью, не наблюдалось. На одной стене висела крупная карта округа Монро, а в другой была дверь во двор.

Парню за стойкой на вид было лет двадцать пять. Что-то подсказывало, что умом он не блещет. Смотрел он с таким выражением лица, как будто впервые увидел живых людей. По крайней мере, тридцатилетнего человека с седой головой он точно видел впервые. Уинтер заключил, что этот юноша был здесь явно не главный.

Мендоза сдвинула солнцезащитные очки на затылок и подошла к стойке. Увидев жетон полиции Нью-Йорка, парень как завороженный смотрел на него и только потом медленно поднял голову и посмотрел ей в глаза.

– Шеф Берч еще не пришел, – сказал он так тихо и застенчиво, что, наверное, если бы Мендоза изобразила детскую пугалку, он бы умер, не сходя с места. Форма у него была чистая и отглаженная. Все стрелки на своих местах, и обстирывает его, вероятнее всего, мама. На бейджике значилась фамилия Питерсон.

– Возможно, в его отсутствие вы сможете нам помочь, – сказала Мендоза. – Нам нужна информация по делу об убийстве семьи Рид.

Питерсон смотрел на нее так, как будто она говорила на неведомом ему языке. Только через несколько секунд до него дошло, о чем его попросили.

– Скоро придет шеф Берч.

– Да, но вы-то уже здесь.

– Я ничего не знаю об убийстве Ридов, – сказал он.

– С учетом того, как много убийств происходят в Хартвуде, немудрено, что вы все забыли.

– Скоро придет шеф Берч, – снова как заведенный сказал Питерсон.

– Скоро – это через сколько?

Питерсон смотрел и молчал.

– Я так понимаю, у вас в городе почти ничего не происходит, – вздохнув, сказала Мендоза. – И поэтому, если вдруг случается форс-мажор, вы просто звоните Берчу по телефону, и в этом случае он приезжает.

– Но сейчас не форс-мажор.

– Просто позвоните ему, ладно?

– Не могу. Он не любит, когда его отвлекают от завтрака.

Потеряв терпение, Уинтер поднял стойку и подошел к одному из столов. Он явно принадлежал Питерсону – на нем стоял включенный компьютер.

– Эй! – закричал Питерсон. – Вам сюда нельзя.

Не обращая на него внимания, Уинтер сел на стул, открыл верхний ящик и сразу же нашел искомое. На первой же странице записной книжки были записаны домашний и мобильный номера Берча. Мендоза стояла рядом и уже держала

наготове мобильный. Уинтер показал ей номер, и она тут же его набрала.

– Выходите из-за стойки, – сказал Питерсон безо всякой надежды.

– Шеф Берч? – спросила Мендоза и терпеливо выслушала ответ. – Это сержант Мендоза из полиции Нью-Йорка. Я сейчас веду расследование, которое привело меня в ваш прекрасный город. Буду очень благодарна, если вы уделите мне пару минут времени.

Тут она снова замолчала, слушая Берча.

– Да, верно, мы в отделении. Офицер Питерсон очень гостеприимен.

Берч сказал что-то такое, на что Мендоза рассмеялась. Через пару «ага» она повесила трубку.

– Прибудет через десять минут.

9

Десять минут растянулись на пятнадцать. Шеф Берч ввалился в участок с широкой и политкорректной улыбкой. В талии у него было сантиметров как минимум сто тридцать. По всей видимости, он и правда очень не любил, когда его отвлекали от еды, и нежелание Питерсона звонить ему во время завтрака получило свое объяснение.

Его габариты поистине впечатляли. В пятьдесят с небольшим у него были черные, аккуратно подстриженные волосы, красные щеки, три подбородка и сердечный приступ в обозримой перспективе. Протиснуться сквозь проход оказалось непросто, и фальшивая улыбка не задержалась на его лице. Руку для пожатия он не предложил, и было очевидно, что ему не хочется здесь находиться. Он взглянул на Мендозу и перевел взгляд на Уинтера, рассматривая его волосы, футболку с Джимом Моррисоном, поношенные «левайсы» и потертые «конверсы».

– А вы кто такой?

– Джефферсон Уинтер. Работаю вместе с сержантом Мендозой над этим делом.

– Вы не из полиции, – с подозрением заметил он.

– Вы правы. Но я более десяти лет работал в отделе поведенческого анализа ФБР. Сейчас я на свободных хлебах.

– Поведенческий анализ? Это когда вы пытаетесь думать как убийцы? Видел по телевизору фильмы про это. Полная ерунда, с моей точки зрения. Это все равно что приглашать экстрасенсов, чтобы они расследовали преступления.

Уинтер хотел было сказать Берчу, что его переедание связано с низкой самооценкой, истоки которой надо искать в его несчастливом детстве. Но решил воздержаться. Ведь толстый ребенок никуда из Берча не делся, и он по-прежнему видел его в зеркале каждое утро. И как бы ни хотелось его уколоть, это делу точно не поможет.

– Сделай мне кофе, – бросил он Питерсону, закончив глазеть на Уинтера. – И положи в него настоящий сахар, а не эту гадость, подсластители, которые тебе дала моя жена. Я, знаешь ли, способен определить разницу.

– Да, сэр.

Питерсон вышел, а Берч вразвалку направился к стулу, на котором сидела Мендоза, и выпихнул ее оттуда собственным весом. Плюхнувшись на него, он откашлялся и засопел.

– Так что я могу для вас сделать?

– Нам нужна информация по убийству семейной пары Рид, – ответила Мендоза.

Берч снова оглядел визитеров и с недоуменным видом сдвинул брови.

– И с какой это стати вам понадобилось копаться в убийстве многолетней давности?

– Боюсь, не смогу ответить на этот вопрос, потому что расследование продолжается.

– Отлично, не рассказывайте. Но я не могу понять, что общего у Ридов с текущим расследованием. Это ведь чисто местное преступление, родились и выросли они оба здесь, и никак они не могут быть связаны с вашими делами. Поэтому, если вы ищете что-то общее, вы зря тратите время.

– Вполне возможно, но раз уж мы проделали длинный путь и приехали сюда, вы как минимум могли бы ответить на наши вопросы.

– Конечно, почему нет, – засмеялся Берч и выжидающе посмотрел на Мендозу, словно она обязана была забрасывать его вопросами. Мендоза молчала, и тогда он стал рассказывать сам: – Я вел это расследование с начала и до конца. Типы из шерифского управления пытались меня оттеснить, но ничего у них не вышло. Это мой город. Я первым приехал на место преступления, как только поступил вызов. За все годы работы я ничего подобного не видел и, надеюсь, никогда больше не увижу.

10

– Расскажите нам, как все случилось.

Уинтер подстроился под тон и ритм речевой манеры Берча. Отзеркаливание хоть и старый метод, но эффективный. Когда люди видят свое отражение, им легче расслабиться. А чем более они расслаблены, тем легче их разговорить. И поскольку полезная информация была только у Берча, Уинтер был вынужден поддерживать навязанный темп. Одно неосторожное движение – и Берч умолкнет.

Тот тем временем закрыл рукой рот и выдохнул сквозь пальцы, погружаясь в ощущения.

– Шесть лет назад все случилось, а кажется, что только вчера. У нас тут редко происходят убийства. Если что и случается, то это что-то бытовое, вышедшая из-

под контроля ссора. Слава богу, такое бывает нечасто. С Ридами же произошло нечто из ряда вон выходящее. Я помню, сколько было крови. Боже мой, ее было столько, что и представить невозможно.

Уинтер кивнул. Он повидал немалое количество мест преступлений и знал, что четыре литра крови – это целая река. А Берч говорил о двойном убийстве, то есть о восьми литрах крови. Впечатление явно было настолько сильным, что его хватило на годы. В этот момент вошел Питерсон. Берч взял у него кружку с кофе, не считая нужным сказать «спасибо», сделал несколько глотков и поставил ее на стол. На кружке большими золотыми буквами было написано «БОСС».

– Где вы обнаружили тела? – спросила Мендоза.

– В гостиной. Они оба были зарезаны. Все стены были в крови. Весь пол.

Уинтер кивнул Мендозе и подвинулся поближе к Берчу. Он хотел провести с ним когнитивное интервью, которое гораздо более эффективно, поскольку позволяет свидетелю пережить событие во всех деталях еще раз. Люди в таких обстоятельствах вспоминают то, что никогда бы не вспомнили, и иногда именно от этого зависит, будет найден преступник или нет. Но действовать нужно было очень осмотрительно. Если Берч поймет, что задумал Уинтер, он его просто выгонит. Когнитивное интервью он точно отнесет к разряду полной ерунды.

– Где вы были, когда поступил звонок с информацией о Ридах? – спросил Уинтер.

– Я не могу вспомнить, где я был, – сказал Берч, потирая рот мясистыми пальцами. – Шесть лет ведь прошло. Это немало.

– Хорошо, это было утро? День?

– Точно утро. Это я помню, потому что тела обнаружил Дейв Хендерсон, почтальон. Дверь в их доме была открыта, и это было очень необычно. Пара была работающая. Он позвал их по именам, ответа не получил и вошел внутрь. И там он обнаружил трупы.

Не давая Берчу вновь вернуться к теме крови, Уинтер заметил, что хорошо было бы поговорить с Хендерсоном.

– Жаль, что вы не экстрасенс и не телепат. Он умер в прошлом году от сердечного приступа.

«С такими старыми делами работать почти невозможно», – подумал Уинтер.

– Ладно. Если дело было утром, вы, скорее всего, были здесь, в участке.

Берч снова начал тереть рот и подбородок.

– Хендерсон позвонил сюда в ужасающем состоянии, – продолжил он. – Он говорил так, что я не сразу смог понять, кто это звонит, а я знал его с детства. Я постарался его успокоить, и он рассказал мне, как обнаружил тела. Говорил он очень сбивчиво, я даже подумал, что он пьян. Он любил выпить, даже утром.

– А дальше что было?

– Как только я понял, что он трезв, я сказал ему не двигаться с места, а сам поехал на место.

– Какая была погода?

– Что?!

– Ну, может, дождь шел? – спросил Уинтер.

Берч открыл было рот, чтобы что-то сказать, но снова его закрыл. Провел рукой по лицу.

– Теперь я вспомнил, что и правда шел дождь. В тот день прошел сильнейший на моей памяти снегопад. А началось все с дождя. А вы откуда знаете?

Это было всего-навсего информированное предположение. Учитывая географическое положение города, в середине зимы здесь более вероятен

дождь, а не солнце. Но говорить об этом вслух Уинтер посчитал нецелесообразным.

– Значит, вы подъехали к дому Ридов как можно ближе, чтобы не промокнуть, и вот вы бежите к дому, чтобы не замерзнуть. Где в это время находится Хендерсон?

– Он сидел у входа и смотрел в одну точку. Я опять было подумал, что он все-таки пьян, а потом понял, что он просто в шоке. Перед этим его стошнило на клумбу. Он встал и хотел показать мне, где лежат трупы, но я сказал ему оставаться на месте. Дом у них был небольшой, и вряд ли бы мне было бы трудно их найти. Так оно и было. Я просто шел на запах.

– Что сразу же привлекло ваше внимание, когда вы вошли в гостиную?

– Тела и кровь.

Уинтер ожидал этого ответа. Шесть лет – это более двух тысяч дней. За это время Берч рассказывал эту историю много раз, и наверняка с каждым разом он все больше и больше концентрировался на кровавых подробностях. И в конце концов все остальные детали просто ушли из памяти. Людям ведь неинтересны банальности, им нужен страх и ужас.

– А еще что вы отметили?

– То, как аккуратно был сервирован стол. Все выглядело так, как будто у них намечался торжественный ужин. Салфетки под горячее, бокалы для вина, ножи, вилки. И даже канделябр. Очень странно все это выглядело. Я помню, подумал, что это перебор.

– И ведь это был будний день. Вы не знаете, Риды ничего не праздновали? Может, день рождения или памятную дату?

– Не помню, это нужно смотреть в документах.

– И отпечатки Нельсона Прайса были в доме?

– Да, повсюду.

– А на звонке в дверь тоже?

Берч забеспокоился. С каждой секундой его лицо наливалось краской.

– Ну как я могу помнить это все? Ведь годы утекли. Да и зачем вам вообще это знать?

– Потому что я пытаюсь понять: Нельсон к ним проник или Риды сами его впустили.

– Наверное, что-то есть на этот счет в документах.

– Мы хотели бы взглянуть на них, – сказала Мендоза.

– Попрошу Питерсона их принести.

Берч свистнул Питерсона и показал ему на боковую комнату. Питерсон быстро вышел и захлопнул за собой дверь.

– Вспомните, где лежали тела, – попросил Уинтер.

– Мелани лежала у камина, а Лестер – у обеденного стола.

– Хорошо, давайте еще поговорим про стол. Я попрошу вас закрыть глаза и еще раз описать, как он был накрыт.

– Что?!

– Просто закройте глаза и опишите мне то, что увидите.

– Я расслышал. Видимо, это одна из тех странностей, которым вас научили в ФБР. Знаете, давайте по старинке все сделаем. Я немного подумаю и скажу вам, что помню. Вы не против?

– Конечно, – пожал плечами Уинтер.

– Во-первых, стол был накрыт на четверых, – сказал это Берч так, будто выложил на стол козырного туза.

– Вы уверены?

– Я уверен на сто процентов. С каждой стороны стола было накрыто по одному месту.

«А раньше, значит, ты об этом сказать не хотел», – подумал Уинтер, но вслух не сказал.

– Лестер и Мелани ожидали гостей?

– Нет, они никого не ждали. Это Нельсон накрыл стол после убийства. Другого объяснения быть не может. Я, кстати, сам догадался.

– А почему, как вам кажется, он это сделал?

– Да потому что он хитрый лис, – засмеялся Берч.

– Что-то еще вспоминается?

– Скатерть была белая, салфетки под горячее – красные. Они поставили на стол самое дорогое столовое серебро и лучшие бокалы для вина. Выставили все самое лучшее. Как будто ждали в гости президента.

– Опишите канделябр.

– Серебряный, свечи красного цвета.

– Он принадлежал Ридам или Нельсон его с собой принес?

– А зачем ему тащить канделябр?

– Ну, он же хитрый лис, – парировал Уинтер.

Берч злобно смотрел на него.

– Хорошо, значит, нам известно, что убийство совершил Нельсон Прайс. До его ареста были другие подозреваемые?

– Нет, никаких других подозреваемых, – покачал головой Берч.

– Но кто-то же должен быть. За годы жизни Лестер или Мелани хотя бы одного-то врага должны были нажить.

– Мы никого не искали, потому что не было никакой необходимости искать других подозреваемых. Нельсона Прайса видели в доме Ридов, его отпечатки были обнаружены на орудии убийства. Все было слишком очевидно.

– Но до того, как стало понятно, что убийца – Рид, вы прорабатывали какие-то версии? Хоть кто-то был на заметке?

Берч с подозрением смотрел на Уинтера.

– У меня такое чувство, что вы к чему-то клоните, а я не понимаю к чему. Вы бы знали, как сильно это меня раздражает.

– Мой коллега знает кое-кого, кто, по нашим предположениям, может иметь отношение к этому убийству.

– Какое отношение?

– Он думает, что этот человек может быть убийцей.

– И из-за этого вы и приехали в такую даль?

– Да, сэр, – кивнула Мендоза.

Берч громко расхохотался.

– Что ж, очень жаль, но, похоже, вы зря потратили уйму времени.

– Где содержится Нельсон Прайс? – спросил Уинтер. – Нам нужно с ним поговорить.

– Не получится, – снова засмеялся Берч. – Он мертв.

Уинтер задумался. В этом городе им нужно было поговорить с Дейвом Хендерсоном, Нельсоном Прайсом и Джеремайя Лоу, который начинал вести расследование убийства Ридов, но все они были мертвы. Если бы не все эти годы, прошедшие после убийства, эти совпадения были бы подозрительны.

– А что с ним случилось?

– Он повесился у себя в сарае.

– Насколько я понимаю, свою вину он признать не успел.

– Он убийца. Это однозначно.

Уинтер кивнул.

– Значит, он повесился, не успев дать показания.

Берч посмотрел по очереди на Уинтера и Мендозу. Вдруг что-то в его манере изменилось и стало очевидно, что продолжать разговор он не намерен.

– У меня много дел, так что, боюсь, ваше время истекло.

– Прежде чем вы углубитесь в дела, позволите нам взглянуть на документы? – спросил Уинтер, лучезарно улыбнувшись Берчу.

Время остановилось. Все замерли.

– Питерсон! – крикнул Берч, не отводя взгляда от Уинтера. – Где тебя носит с этими документами?

Из другой комнаты послышался грохот и шуршание, а затем вошел Питерсон. У него горели щеки, волосы были растрепаны, а форма помялась и покрылась пылью.

– Не могу их найти, – ответил он.

– Что значит – не можешь? Ты искал на букву Р и на букву П? Риды и Прайс?

– Везде смотрел. Папки нет.

– Но она должна там быть, – зашипел Берч.

Уинтер взял со стола Питерсона бумагу и ручку, написал номер своего мобильного и аккуратно положил его на стол Берчу.

– Если папка найдется, позвоните мне, пожалуйста.

Выходя из участка, он напоследок задержался у двери:

– Мне еще нужно узнать, как добраться до дома Ридов и где-то достать пару фонарей.

11

– Ну что, поехали назад, в Нью-Йорк, – сказала Мендоза, когда они вышли на улицу. – Дело открылось, дело закрылось. Убийца Нельсон Прайс. Твоя таинственная незнакомка ни при чем.

Уинтер потянулся и покачал головой.

– Не забывай об Омаре. Его-то убила она.

– Омар сейчас в морозилке ждет вскрытия. Его убили в Нью-Йорке, где он жил и работал. Какая связь, Уинтер?

– Я уверен, что Хитчин и компания прекрасно справятся и без нас. Блондинка почему-то хотела, чтобы мы сюда приехали, и я хочу понять, почему. Мы сейчас там, где нужно. Иначе зачем бы она подталкивала нас в этом направлении?

– Ну, это лишь один из способов интерпретировать события.

– А есть другой?

– Да. Может, Нельсон тут не единственный хитрый лис.

Уинтер проигнорировал иронию и прикурил сигарету. Положив пачку в карман куртки, он застегнулся, сделал длинную затяжку и взглянул на восток. Солнце еще не взошло. Вдали, громко чирикая, вверх-вниз летала стайка птиц.

– Что-то не то с сервировкой стола у Ридов. Зачем накрывать на четверых, если в доме только двое? Хорошо бы посмотреть фотографии с места преступления.

– Может, нам смогут их выслать по мейлу из шерифского управления? – предположила Мендоза.

– Хорошая мысль. Скажи им, что дело срочное. Так есть надежда до конца года что-то получить.

Мендоза достала мобильный и стала звонить. Пару минут ее переключали с одного номера на другой, но в конце концов ей удалось попасть на сотрудника, пообещавшего помочь.

– А почему Лас-Вегас? – спросил Уинтер.

– А почему нет?

– Потому что ты не из тех, кому там нравится. Люди едут в Вегас, чтобы повеселиться. А ты, без обид, не производишь впечатления человека, который

любит веселиться.

– А кто сказал, что я бы поехала туда одна?

– Больше никто не успел бы подстроиться под твой график. Райан Маккарти еще не успел обжиться в своей камере, как лейтенант Джонс уже приказывает тебе садиться в первый же самолет и улетать из города. То есть речь явно идет о горящем туре, о билетах, купленных в последнюю минуту. Вряд ли твой друг успел бы организовать себе отпуск. Слишком уж все срочно. Это если предположить существование этого друга. Может, он не работает? Но и это невозможно. Ты уж точно не будешь содержать молодого любовника, с полицейской зарплатой это нереально.

Мендоза демонстративно молчала, и Уинтер шутливо поднял руки в знак поражения.

– Да ладно, я просто так, – сказал он, сделав затяжку и посерьезнев. – Скажи, а за что ты меня так не любишь?

Вопрос застал Мендозу врасплох и даже вогнал в краску. Отведя взгляд влево, она хотела что-то сказать, но затем раздумала и глубоко вздохнула.

– А кто сказал, что я тебя не люблю? – парировала она, посмотрев ему в глаза.

Уинтер молчал.

– Дело не в том, что я тебя не люблю. Просто когда ты начинаешь говорить с этим своим внутренним психопатом, мне становится не по себе.

– Говорить с внутренним психопатом? Впервые слышу, чтобы кто-то так это называл, – заметил Уинтер и помолчал. – Но согласись, эти разговоры весьма результативны.

– Поэтому-то я тебя и терплю. Что будем делать?

– Поедем в дом Лестера и Мелани. Спорим на обед, что там никто не живет? В таком маленьком городе после случившегося люди в этот дом даже не зайдут.

Уинтер протянул руку Мендозе, но она отказалась ее пожать. Он недоуменно взглянул на нее.

– Это же очень просто: если я прав, ты покупаешь мне обед. Если права ты, покупаю я. Скрепим договор рукопожатием.

– Я не ставлю деньги.

– Серьезно? А как же ты в Вегас собиралась?

– Мне нравятся шоу.

Не говоря больше ни слова, Мендоза повернулась и пошла к машине. Уинтер посмотрел на нее, покачал головой и пошел следом.

12

Следуя инструкциям Берча, они подъехали к маленькому дому на окраине Хартвуда. Как Уинтер и предполагал, с момента убийств здесь никто не жил. Перед домом стоял поржавевший и покосившийся почтовый ящик на ножке, трава во дворе выросла по пояс, все двери и окна были заколочены. Краска на стенах облупилась, а мебель на небольшой террасе проваливалась под тяжестью собственного веса.

Уинтер встал на тротуаре и осмотрелся. На улице было еще восемь домов, различающихся только деталями. Район был из таких, где жили или совсем молодые семьи, еще не успевшие подняться по карьерной лестнице, или пенсионеры, желающие минимизировать расходы на жизнь. Определить владельцев можно было, посмотрев на палисадник. Ухоженные клумбы и трава говорили о пенсионерах, а баскетбольные сетки и игрушки – о молодежи. Очевидно, что соседство с домом Ридов никого не радовало. Убийство, скорее всего, обвалило цены на их дома.

Уинтер и Мендоза приблизились к дому и остановились перед крыльцом с деревянными ступеньками. Они уже начинали гнить, и Уинтер сомневался, что они его выдержат. Мендозу явно занимали те же мысли, потому что она не торопилась ступать на них, предоставив Уинтеру возможность подняться первым. Пока он проверял, нет ли возможности попасть в дом сзади, она смотрела, насколько прочно заколочены окна и дверь с фасада. Доски были прибиты наглухо и держались хорошо. Попасть внутрь оказалось не так просто, как рассчитывал Уинтер.

– Понадобятся инструменты, – сказала Мендоза.

– Наверняка у кого-то из соседей можно попросить.

– Думаю, да.

В первом доме никого не оказалось. Вдова из второго дома согласилась помочь, увидев полицейский жетон Мендозы. Ее муж явно был мастером на все руки, потому что в гараже оказался впечатляющий ассортимент разнообразных инструментов, запыленных, но находящихся в полном порядке. Взяв монтировку, молоток и мешок гвоздей, чтобы снова забить окна и двери, Уинтер и Мендоза принялись за работу.

Меньше чем за пять минут доски с двери были сняты. Она была заперта, но и это не представляло собой проблемы. Взлому замков Уинтер научился еще во время работы в ФБР, и этот полезный навык много раз его выручал. Поработав отмычками и убрав их в карман куртки, он с сияющим видом открыл дверь. Мендоза включила фонарь и вошла в дом первой, оттолкнув Уинтера.

– Пожалуйста! – крикнул он ей вслед.

Сначала он осмотрел дверь, прокручивая в голове разные сценарии развития событий. Замок был довольно примитивным, и любой мало-мальски разбирающийся в теме человек мог его вскрыть. Но Нельсон Прайс на момент убийств был еще совсем юнцом, а у какого подростка хватит терпения и мотивации что-то долго изучать? Скорее всего, он постучал в дверь, и либо Мелани, либо Лестер его впустили. Они могли посмотреть в глазок и узнать его. Или все было как-то по-другому. В любом случае, кто-то из них открыл дверь. Скорее всего, цепочкой они не пользовались, как и большинство людей.

Включив фонарь, Уинтер вошел в коридор. В узком луче света прыгали тени и пылинки. Посторонних запахов в доме не было – в воздухе ощущалась лишь затхлость и гниль. Было очевидно, что долгие годы сюда никто не заходил, и дом был похож на склеп. Словно сразу после убийства дверь заперли и вплоть до сегодняшнего дня ее никто не открывал. Даже местные мальчишки не потревожили это место. Взломай они дверь, здесь неминуемо остались бы следы их присутствия – пустые бутылки из-под алкоголя, сигаретные окурки, использованные презервативы. От дома живого места бы не осталось. Стены были бы исписаны граффити, и везде царила бы разруха.

Мендоза шла чуть впереди, и свет ее фонаря прыгал в разные стороны.

– Здесь как-то неуютно. Как будто мы в доме с привидениями.

– Не знал, что ты суеверна.

– Я не суеверна. Просто фильмов ужасов насмотрелась. А тебе что, не страшно?

– Не особо.

В коридоре, который шел параллельно лестнице, было две двери. Первая вела в гостиную. Уинтер направил фонарик на камин и увидел выцветшие следы крови на полу и на стенах. Около стола было пятно меньшего размера. Они были расположены точно там, где, по словам Берча, были найдены трупы Лестера и Мелани. Мендоза опустилась на колени рядом с камином и стала разглядывать пятна, освещая их фонариком.

– Судя по всему, Лестеру повезло больше, чем Мелани.

– Согласен.

– Бедные дети.

Уинтер подошел к столу и положил левую руку на деревянную поверхность. Берч корректно описал его размеры, где-то полтора метра на метр, достаточно большой стол, за который поместятся четыре человека. Вшестером за ним уже будет тесновато. Он закрыл глаза, мысленно представил себе, как он выглядел

бы накрытым на четверых, но ясной картины не формировалось. Открыв глаза, он двинулся в коридор.

– Ты куда? – спросила Мендоза.

– Найду скатерть.

– Да, могла бы и не спрашивать.

Следующая дверь вела на кухню. В ней было достаточно чисто, если не обращать внимания на слой пыли и ощущение полного запустения. Уинтер задался вопросом, кто убирался здесь после окончания следственных действий. Родители Лестера или Мелани? По очереди открывая ящики и шкафчики, он нашел почти все, что искал: посуду, приборы, бокалы для вина, свечи. Канделябра не было, но вместо него нашлось несколько подсвечников. В нижнем ящике оказались тканые салфетки и подставки под горячее. Они были черными, а не красными, но это было не так важно. Единственное, чего не удалось найти, – скатерть. Он слышал, как Мендоза вошла в кухню, и видел, как свет ее фонаря упал на коллекцию, которую он выложил на рабочей поверхности.

– Отнеси это все в гостиную, – попросил он ее по дороге из кухни. – Я иду наверх за простыней.

– Даже не буду ничего спрашивать! – крикнула она вслед.

Уинтер прошел по коридору и стал подниматься наверх через две ступеньки. На втором этаже было три закрытых двери. Первая вела в маленькую ванную. Место там было только для унитаза, раковины и ванной. Он услышал, как Мендоза поднимается по лестнице и идет по коридору. Она остановилась рядом и заглянула ему через плечо.

– Тут простыней нет.

– Да, здесь нет.

Следующая дверь вела в комнату с бледно-желтыми стенами. В углу стояла колыбель, вся мебель была белого цвета, а на окнах висели небесно-голубые

шторы. В комнате лежали мягкие игрушки, а на стенах были нарисованы яркие танцующие животные – слоны, тигры, жирафы и обезьяны. Вблизи было видно, что они нарисованы от руки. Мендоза глубоко и обреченно вздохнула.

– Берч ничего не сказал о том, что у них был ребенок.

– У них его и не было. – Уинтер подошел к колыбельке и взял из нее двух плюшевых мишек. Один был розовый, а второй – голубой. Он показал их Мендозе. – Они только работали в этом направлении.

Мендоза оглядела комнату. Вид у нее был одновременно злой и печальный.

– Как же я не люблю свою работу временами.

– Да уж, это понятно.

– Я ведь столько вижу всякого ужаса, что была уверена, что у меня выработался иммунитет. А потом сталкиваешься с чем-то подобным…. Лестер и Мелани ведь по сути были еще детьми. У них вся жизнь была впереди, и ее у них украли. Это несправедливо.

– Согласен.

Уинтер подошел к шкафу. На верхней полке лежали простыни для детской кроватки, но они были слишком малы для его плана. Он вернулся в коридор и вошел в третью дверь. Она вела в спальню. На кровати постельного белья не было, на ней лежал голый матрас. Очевидно, белье сняли во время расследования. Простынь нужного размера быстро нашлась в шкафу, и Уинтер вернулся в гостиную.

Мендоза помогла ему расстелить простынь, и они вместе накрыли стол, рука об руку расставляя на нем предметы один за другим. В середину Уинтер поставил свечи и зажег их. Выключив фонарики, они сели за стол. Уинтер во главе стола, Мендоза – на противоположной стороне. Осмотревшись, он решил, что что-то не так, встал и пересел на соседнее против часовой стрелки место. Ведь ужинать должны были Лестер и Мелани, поэтому они сели бы друг напротив друга по длинной стороне. Отсаживаться друг от друга по краям – чересчур формально.

Осмотревшись, он снова покачал головой.

– Опять не то.

– Что именно не то? Если расскажешь поподробнее, может, я смогу помочь.

Уинтер ничего не ответил, достал мобильный и стал звонить в участок. Питерсон ответил на звонок и соединил его с Берчем.

– Ну и что вам опять надо?

– Вы сказали, что стол Ридов был накрыт так, будто они ждали в гости президента. Лучшие приборы, посуда и даже скатерть. Вы уверены, что скатерть была?

– Абсолютно. А что?

– А кровь на скатерти была?

– Ну, должна была быть.

– Должна была или была?

– Я не помню, шесть лет прошло.

– Папку с документами еще не нашли?

– Еще нет.

Уинтер положил трубку и начал задумчиво стучать телефоном по скатерти.

– О чем думаешь?

– О том, что убийство произошло вечером в будний день. И Лестер, и Мелани работали. Наверняка они максимально упрощали процесс готовки еды. Думаю, скатерть они на стол не стелили. Ложки-вилки просто клались на середину

стола, и не было у них обычно ни свечей, ни скатерти. Не хочется признавать это, но Берч прав. Видимо, стол накрыл Нельсон.

– Что? Он жестоко расправился с двумя людьми, а потом накрыл стол? Как ты себе это представляешь?

– Я и более странные вещи видел, Мендоза.

– Но зачем ему это было нужно?

– Это часть его фантазии. Я пока не могу сказать, что это за фантазия. Мне нужно больше информации, пока у меня есть только догадки.

– Просто скажи «я не знаю».

– Нет, это не так. Просто сейчас еще рано делать какие-либо предположения.

– А что сейчас не рано делать?

– Я точно знаю, что если мы не поймаем ту женщину, она продолжит убивать.

Немного помолчав, Мендоза спросила:

– Ты осознаешь, что ты встал в защитную позицию? Признать, что ты чего-то не знаешь, – это нормально.

– Я не встаю в защитную позицию.

Мендоза молча смотрела на него.

– Не встаю.

– Знаешь, я так и не могу понять, преступник ты или нормальный человек. Не просветишь меня?

– Я тебе помог Райана Маккарти поймать, и ты после этого задаешь мне такие вопросы?

– Ты уходишь от ответа.

– Ты что именно пытаешься у меня выяснить?

– Твой отец – серийный убийца, и ты успешно ловишь маньяков, потому что можешь думать, как они. По этой причине я предполагаю, что ты похож на них больше, чем готов признать. Получается, гены важнее воспитания? Ты согласен? – спросила она, глядя ему прямо в глаза. Уинтер смотрел, как в ее глазах отражается свеча.

– Я никого и никогда хладнокровно не убивал.

– Но ты убивал. Хладнокровно или нет – разницы нет. Самое главное – ты убивал.

– Разница огромная, и ты это знаешь. Ты же в полиции работаешь, в конце концов.

– Ну хорошо. Может, разница между тобой и отцом в том, что ты понял, как убивать и оставаться непойманным. Если убийство оправданно, значит, все в порядке. Так?

– Что за бред?

– Согласна, но ты меня ни во что не посвящаешь, поэтому мне приходится исходить из того, что есть.

Уинтер ничего не ответил. Между ними повисла тишина, которая становилась все дискомфортнее с каждой секундой.

– Все не так просто, – наконец выдавил из себя Уинтер.

– И даже сейчас ты уходишь от ответа.

13

– Что будем делать? – спросила Мендоза, когда они сели в машину.

– Поехали обедать.

– Сейчас только начало двенадцатого.

– Знаю, но мой внутренний будильник говорит, что сейчас время обеда. Я очень проголодался, и мне нужен сахар. Поехали обратно на Мейн-стрит. Я видел там кафе.

Мендоза завела машину, и вскоре они уже были на нужной улице. Кафе там было только одно, поэтому долго выбирать не пришлось. Припарковавшись как можно ближе, они направились ко входу.

Окна снаружи были грязные, и стены явно были покрашены очень давно. Обычно Уинтер избегал заведений такого рода. Ему не хотелось становиться благодатной почвой для размножения кухонной заразы. А раз снаружи место выглядело столь невзрачно, надеяться на то, что внутри намного лучше, не приходилось. Однако его ждал сюрприз. Внутри все было совершенно не так, как снаружи. В напольную плитку можно было смотреться, как в зеркало, на каждом столике стояла ваза со свежими цветами, и все сияло чистотой.

Мендоза сдвинула очки на макушку и протиснулась в щель между дверью и Уинтером. Он вошел за ней. Посетителей было двенадцать: пять пар и две одиночки. При этом все глаза были обращены на Уинтера. Он почувствовал себя так, будто только что вошел в переполненный бар из какого-нибудь вестерна Джона Форда.

– Садитесь, я подойду через секунду, – послышался откуда-то голос. Уинтер не сразу понял, что к ним из-за стойки обращается официантка. Ей было сильно за пятьдесят, на квадратном лице застыло подозрение. Камень в обручальном кольце у нее был гораздо больше, чем можно было ожидать от сотрудницы кафе. Скорее всего, фамильная драгоценность. Улыбка у нее была холодная.

Место у окна было занято, и Уинтер направился к свободному столику в глубине зала. Мендоза шла за ним. Все присутствующие следили за каждым его шагом, но Уинтер пытался не обращать на них внимания. Он снял куртку, расстегнул толстовку и как ни в чем не бывало сел спиной к стене. Мендоза села напротив него, спиной к залу. Постепенно посетители один за другим вернулись к своим кофе и завтраку. Последним отвернулся человек, занявший столик у окна.

Подошла официантка и налила им в чашки кофе. Уинтер положил в свою два кусочка сахара, затем немного подумал и добавил третий. Пусть кофе будет слишком сладким, но зато у него будут силы пережить этот день. Без сна было очень тяжело.

– Что закажете?

– Я буду омлет из яичных белков и как можно больше кофе, – сказала Мендоза.

– А мне чизбургер с картошкой и большой кусок вишневого пирога, пожалуйста, – добавил Уинтер. – И такое же пожелание по кофе.

– Чизбургер, омлет и кусок пирога. Скоро вернусь, – пообещала официантка, записав заказ в блокнот и вернувшись за стойку.

– Итак, что у нас есть? – начала разговор Мендоза, отпив кофе. Она была готова загибать пальцы. – Во-первых, таинственная незнакомка хочет, чтобы ты доказал, что она не совершала преступление, в котором, по ее словам, ее обвиняют, хотя копы говорят совершенно другое. Во-вторых, исчезла папка Ридов, – сказала она, загнув второй палец.

– Может, ее украли.

– Как вариант. Или папка в целости и сохранности, просто Берч не хочет нам ее давать и наказал Питерсону сделать вид, что она утеряна.

– Сомневаюсь. Если и было такое указание, то Берч должен был как-то дать ему знак, а Питерсон не сказать чтобы очень догадливый, так что этот знак был бы очевиден. И Питерсон действует только по приказу Берча. Он, наверное, и в туалет-то выходит, только подняв руку, как в школе.

– Да, ты прав.

У Мендозы запищал телефон, она проверила почту и округлила от удивления глаза.

– Что? – спросил Уинтер.

– Сам посмотри.

Она передала ему телефон, и он все понял. «Глядя на мир, нельзя не удивляться», – вспомнилось ему. Из шерифского управления прислали фотографии с места преступления. Уинтер тут же узнал на снимках гостиную Ридов и отметил различия. Во-первых, он увидел расположение тел. Во-вторых, сервировка стола была даже более праздничной, чем он себе представлял. Берч правильно вспомнил канделябр из трех свечей, и каждое место было сервировано для ужина из трех блюд: закуски, горячего и десерта. Уинтер искал крупный план стола. Найдя нужный снимок, он увеличил фото и стал рассматривать каждый его сантиметр.

– Все сходится. Нельсон и в самом деле накрыл стол, – сказал он, отдавая телефон Мендозе.

Она тоже детально рассматривала фото.

– Ты поэтому спросил Берча о пятнах на скатерти, да? Если бы скатерть уже была на столе перед убийством, то она была бы вся в крови. Получается, что Нельсон убил Ридов, привел себя в порядок и накрыл на стол. Но зачем ему понадобилось это делать?

– Я не знаю, – отчеканил Уинтер так, словно разговаривал на иностранном языке и старался произнести каждое слово максимально членораздельно.

– Видишь, не так и трудно произнести эту фразу. Ну ладно, что дальше?

Уинтер повернулся и увидел, что официантка идет в их сторону с едой.

– А дальше мы поедим.

Официантка поставила блюда на стол, выслушала благодарности и ушла. Уинтер впился в свой бургер. Мендоза не успела съесть и половину своего омлета, а Уинтер уже приступил к пирогу. Съев три куска, он заметил, что Мендоза наблюдает за ним.

– Что? У меня крошки на подбородке?

– Нет, я сижу и думаю: ты не в стае волков рос?

– А ты-то как вообще оказалась в полиции? – засмеялся Уинтер. – Пончики и бургеры ты не любишь, заказываешь какой-то уму непостижимый омлет из белков… Какой в этом смысл?

Вместо ответа Мендоза аккуратно отрезала маленький кусочек омлета и отправила его в рот.

Уинтер доел пирог, сложил приборы параллельно в центре тарелки, вытер руки салфеткой и аккуратно сложил ее рядом с тарелкой.

– Нужно выяснить, где они проводят вскрытие. Послушаем, что скажет патологоанатом.

– Я тебе и так скажу. Вполне вероятно, что он скажет, что это дело шестилетней давности уже раскрыто, и посоветует нам вернуться в Нью-Йорк и искать убийцу Омара оттуда.

– При всем к тебе уважении твои постоянные напоминания о Нью-Йорке мне никак не помогают. Мне еще раз напомнить тебе об инструкции лейтенанта Джонса?

Не ответив, Мендоза встала и пошла в туалет. В каждом ее шаге чеканилось раздражение. Уинтер смотрел ей в спину. Она была слишком прямая, руки при ходьбе неуклюже двигались из стороны в сторону. Вытащив телефон, он набрал полицию. Берч ответил на седьмом гудке, отрывисто бросив: «Полиция». Ни тебе «здравствуйте», ни «чем я могу вам помочь?» Просто «полиция». Какой гад.

– Вы сказали, что шерифское управление пыталось выжать вас из расследования. Правильно ли я предполагаю, что вскрытие проходило в Рочестере?

– Это, видимо, Уинтер.

– Такими темпами вы скоро станете детективом.

– Да, там, – сказал Берч со вздохом.

– Я хочу поговорить с тем патологоанатомом. Имя его вы не помните, наверное?

– Ну конечно нет. Это было шесть лет назад.

Уинтер почувствовал, что Берч врет – в его тоне угадывалось злорадство и желание вставить как можно больше палок в колеса.

– Все ясно, спасибо за уделенное время.

И он разъединил звонок, прежде чем Берч успел что-то ответить. Не теряя времени, Уинтер набрал окружных судмедэкспертов. Женщина на телефоне оказалась гораздо более участливой и была готова предоставить запрашиваемую информацию, но музыка во время ожидания оказалась настоящей пыткой. Снова и снова приходилось слушать «Оркестровую сюиту номер 3 в ре-мажоре» Баха. Сорок две секунды, и Уинтер готов был кричать. Наконец музыка выключилась.

– Вы еще ожидаете? – спросила оператор.

– Да, еще ожидаю.

– Вскрытие проводила доктор Розалия Гриффин, главный судмедэксперт. Она сейчас не на месте, но скоро будет. Если вы хотите поговорить с ней, это можно будет сделать с двух до трех, а затем она снова уедет в город до конца дня.

Уинтер поднял взгляд и увидел Мендозу. Она выходила из туалета.

– Доктор Гриффин сможет уделить мне пять минут в два часа?

– Скорее всего, да. Напомните вашу фамилию, детектив.

– Мендоза.

Уинтер произнес фамилию по буквам, быстро поблагодарил оператора и попрощался. Мендоза отодвинула свой стул, села, бросила взгляд на лицо Уинтера и телефон.

– С кем разговаривал?

– С Берчем. Спрашивал, не нашлись ли документы.

– Видимо, не нашлись?

– Нет. Я тут подумал, – сказал он, немного помедлив. – Может, мы не с той стороны подошли к делу. Ведь, по сути, мы лишь реагируем на происходящее. А нам стоит сделать шаг в сторону и посмотреть на все со стороны. Предлагаю очистить доску и начать писать на ней снова. Давай притворимся, что Ридов убили только что. И нет еще никаких версий, гипотез, таинственной незнакомки, размахивающей газетой. Давай поработаем по обычным правилам, то есть посмотрим на жертв и попробуем что-то понять.

Мендоза сделала несколько глотков кофе.

– Но ведь речь об убийстве, которое произошло шесть лет назад. Знал бы ты, как я ненавижу эти давнишние дела. Их же просто нереально расследовать, – сказала она с долгим вздохом. – Ну, с чего начнем? Судмедэксперты?

– Пока не будем думать о судмедэкспертах. Нам бы выйти на Грэнвилла Кларка.

– А это еще кто такой? – поморщившись, спросила Мендоза.

– Это автор статьи об убийствах. В таком маленьком городке журналисты знают обо всем лучше всех. А если они о чем-то не знают, значит, это событие не заслуживает внимания.

Официантка вернулась и подлила кофе. На этот раз Уинтер ограничился обычными двумя кусочками сахара. Мендоза доела омлет, и они пошли к барной стойке. Уинтер расплатился и дал официантке сверху чаевые, которые почти что равнялись стоимости обеда.

– Пирог у вас отличный, между прочим.

– Рада, что вам все понравилось, – сказала, улыбнувшись, официантка.

– Не могли бы вы нам помочь? Подскажите адрес издательства «Газеты».

– Он на Мейн, в двухстах метрах от управления полиции. Но это вам не поможет. Газета не выходит с прошлого года.

Это было неудивительно. Весь день они то и дело натыкались на тупиковые ситуации и мертвых свидетелей.

– На самом деле нам нужен Грэнвилл Кларк. Вы вряд ли знаете, где его искать, да?

– Как раз с этим я вам помочь могу, – ответила она, кивнув на пожилого человека за столиком у окна. – Вот он сидит.

14

– Можно нам присесть?

– Конечно, мы же в свободной стране, – ответил Кларк. – Но если вы хотели поговорить, вам придется говорить с пустым местом, потому что я ухожу.

Взглянув на них из-под очков в металлической оправе, он встал во весь свой высокий рост и неуклюже надел куртку. Его худоба бросалась в глаза, а скулы выступали так, что кости были готовы прорезаться сквозь кожу.

– Запиши завтрак на мой счет, пожалуйста, – обратился он к официантке.

– И когда ты его наконец оплатишь? – спросила она.

– В конце месяца.

– То же самое ты говорил и в прошлом месяце, Грэнвилл.

– До завтра, Вайолет.

Кларк небрежно помахал на прощание, толкнул дверь и вышел на улицу. Мендоза и Уинтер пошли за ним. Он встал посреди тротуара и поднял голову к небу. Оно было абсолютно чистое – пустая голубая бездна без птиц и облаков.

Мендоза тоже задрала голову.

– Я чего-то не вижу?

Кларк посмотрел на Мендозу и перевел взгляд на Уинтера. В солнечном свете взгляд его водянисто-голубых глаз казался дружелюбным и обезоруживающим. Уинтер был уверен, что Кларк был добродушным человеком, но не простым. Ему было уже за семьдесят, но на мыслительных способностях его возраст никак не сказался.

– Вайолет только на первый взгляд такая строгая. На самом деле у нее золотое сердце, – сказал он. – Вот только бы она отмыла окна. Ни черта через них не видно!

– А в чем смысл вообще этих грязных окон? – спросил Уинтер. – Ведь в остальном в кафе идеальная частота.

– Это из-за Зака, владельца. Вы его не знаете. Он вообще не выходит из кухни. И ненавидит туристов, – ухмыльнулся Кларк. – Он ненавидит всех людей на земле, но туристов в особенности. И чтобы они никогда не заходили в его заведение, он не моет окна и не обновляет облупившуюся краску. Для городских властей это целая проблема, но сделать они ничего не могут.

– Но почему? Ведь в таком маленьком городе владелец бизнеса, по идее, должен всеми способами привлекать клиентов.

Кларк улыбнулся Уинтеру.

– Вы смотрите в самую суть. Знаете, мой отец говорил мне: если хочешь написать хорошую статью, нужно задавать правильные вопросы. Это единственный ценный совет, который он дал мне за всю жизнь.

– Так почему он ненавидит туристов? – снова спросил Уинтер.

– Потому что от него жена сбежала с туристом. По крайней мере, он так считает. А местные скажут, что Зак сам во всем виноват. Удивительно, что она вообще столько лет его терпела. – Внезапно Кларк посерьезнел. – Возвращаясь к правильным вопросам: кто вы такие и что вам надо?

Мендоза вытащила свой полицейский жетон.

– Следователь Карла Мендоза, полицейское управление Нью-Йорка.

– Ну вот, один вопрос прояснился, – с улыбкой сказал Кларк, взглянув на Уинтера. – А вы, молодой человек? Вы явно хотите, чтобы я и вас посчитал большим и важным полицейским из Нью-Йорка? Поэтому стоите и молчите. Но будь вы из полиции, вы столь же молниеносно достали бы свой жетон, как ваша подруга.

Уинтер улыбнулся и кивнул. Его раскрыли.

– Меня зовут Джефферсон Уинтер. Раньше я работал в отделе поведенческого анализа ФБР, а сейчас в свободном полете.

– В свободном полете, значит… – И он снова повернулся к Мендозе. – Хорошо, мы выяснили, кто вы, теперь скажите, что вам надо.

– Мы пытаемся найти информацию об убийстве Лестера и Мелани Рид.

– Без обид, но вы как-то припозднились, – засмеялся Кларк.

– Мы имеем основания полагать, что их гибель может быть связана с убийством, которое случилось сегодня рано утром в Нью-Йорке.

Кларк стоял и кивал, о чем-то размышляя.

– Хорошо, вы меня заинтересовали. Пойдемте ко мне в офис и поговорим.

– Вайолет сказала, что «Газета» больше не выходит.

– Не выходит, но это не означает, что у меня нет офиса.

Не говоря больше ни слова, Кларк перешел улицу и пошел по направлению к зданию, в котором ранее располагалось издательство «Газеты». Уинтер и Мендоза переглянулись и пошли за ним. У двери Кларк достал ключи, отпер дверь и вошел, подтолкнув ее плечом.

В зоне ресепшен время остановилось в далеком прошлом. Ремонта здесь не было очень давно. Как и в полицейском участке, комната была поделена на две части длинной стойкой. За ней были шкафы для хранения документов, стол, вешалка и старенький компьютер. Все вещи были словно из другой эпохи. Календарь на стене застыл на июле прошлого года.

Казалось, люди покидали это место в спешке. На столе стояла кофейная чашка и бумаги, стул стоял так, как будто сидящий на нем только что вышел в туалет и скоро вернется. Лампы были грязные, везде лежал слой пыли, а окна были такие же немытые, как и в кафе.

Кларк заметил взгляд Уинтера и грустно улыбнулся.

– Это грустная правда нашего существования. В конце концов все превращается в пыль и воспоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20582433&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzheyms-kerol/hischnica-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить